

188
296
Евгеній Барановъ.

р 467
1911

Кабардинскія Легенды

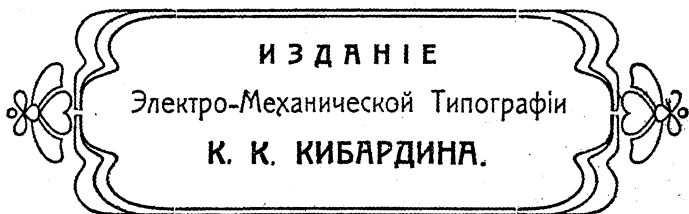
22459

ПЯТИГОРСКЪ.

Электро-Механическая Типографія К. К. Кибардина.

1911.

2004127632

Араби-Ханъ.

Было очень давно.

Однажды къ царю Грузіи (имя его неизвѣстно) явился выходецъ изъ Аравіи, по имени Араби-Ханъ и просилъ у него разрѣшенія поселиться съ двадцатью семействами своего народа въ Грузіи.

Царь не только изъявилъ на эту просьбу согласіе, но и взялъ Араби-Хана и горсть его народа подъ свое покровительство.

Аравійскіе выходцы, отличаясь неустрашимостью, съ вѣдома своего покровителя, дѣлали внезапные набѣги на селенія сосѣднихъ народовъ; селенія жгли, жителей грабили и убивали. Въ этихъ набѣгахъ стали принимать участіе и грузины, и всегда домой возвращались съ богатой добычей.

Особенно страдали отъ набѣговъ ногайцы, жившіе по среднему теченію рѣки Баксана.

Ногайцы не рѣшаясь идти войной противъ Араби-Хана, такъ какъ знали, что за того заступится его покровитель—грузинскій царь, имѣвшій громадное, хорошо вооруженное и обученное войско обратились къ своимъ дальнимъ сосѣдямъ—русскимъ. Ногайскіе послы явились къ семи русскимъ богатырямъ, пользовавшимся среди своего народа большимъ почетомъ и уваженіемъ (имена ихъ неизвѣстны), просили ихъ оградить ногайскій народъ отъ набѣговъ Араби-Хана.

Богатыри рѣшили, что воевать русскимъ съ грузинами изъ-за ногайцевъ нѣтъ расчета, но, желая оказать помощь ногайцамъ, выбрали изъ своего народа 12 наиболѣе уважаемыхъ челоѣкъ и съ богатыми подарками послали къ грузинскому царю просить или истребить Араби-Хана вмѣстѣ съ его народомъ, или же изгнать его изъ предѣловъ Грузіи.

Пріѣхали послы въ Грузію. Царь принявъ отъ нихъ подарки и выслушавъ ихъ просьбу, приказалъ отвести имъ при своемъ дворцѣ лучшее помѣщеніе, кормить, поить ихъ, а относительно просьбы обѣщалъ подумать.

Шесть лѣтъ прожили послы при дворцѣ царя, а отвѣта на свою просьбу все еще не получали. Затосковали они по своей родинѣ и, не рѣшаясь лично напомнить царю объ его обѣ-

щани, обратились съ просьбой повліять на него къ его женѣ. Та пришла къ царю и спросила, почему онъ въ теченіе шести лѣтъ держитъ у себя пословъ и не даетъ отвѣта на ихъ просьбу?—Царь отвѣтилъ, что просьба пословъ поставила его въ очень затруднительное положеніе, съ одной стороны ему не хотѣлось бы огорчать отказомъ удовлетворить эту просьбу русскихъ богатырей, а съ другой —удовлетворить его онъ положительно не находитъ возможнымъ, такъ какъ Араби-Ханъ —его гость, а послѣдній уже въ силу народнаго обычая—священная особа.

„Ты сама придумай отвѣтъ посламъ, а я не могу“—сказалъ царь женѣ. Царица, не долго думая отпустила пословъ домой, одарила ихъ богатыми подарками, а семи богатырямъ послала 7 роскошно вышитыхъ ковровъ и сказала, что на просьбу ногайцевъ царь черезъ четыре года самъ имъ отвѣтитъ. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ царь Грузіи вмѣстѣ съ Араби-Ханомъ, собралъ огромное войско и вторгся во владѣнія ногайцевъ.

Ногайцы приготовились къ оборонѣ. Битва произошла около рѣки Кишпека.

Ногайцы были разбиты и отодвинули свои владѣнія ниже р. Кишпека. Царь Грузіи поселилъ Араби-Хана и его народъ въ мѣстности,

нынѣ называемой Чижокъ-Кабакъ Оргунъ, (урочище чегемскаго общества), и возвращаясь же обратно къ себѣ въ Грузію, онъ предупредилъ ногойцевъ, что если они вздумаютъ обидѣть когда либо Араби-Хана, то будутъ имѣть въ немъ непримиримаго врага.

Проживъ еще болѣе 20 лѣтъ, Араби-Ханъ умеръ, оставивъ послѣ себя единственнаго наслѣдника сына Кази.

Кази былъ женатъ два раза; отъ первой жены еще въ Грузіи родился сынъ Бесленей.

Когда Кази женился во второй разъ послѣ первой жены, Бесленей, не желая сносить грубаго обращенія съ нимъ мачехи, бѣжалъ на Кубань, гдѣ и остался на жительство.

Отъ второй жены у Кази родились три сына—Хатахшуко, Мисость, Жанботъ и дочь Коншохъ.

Ногойцы въ то время управлялись двумя своими князьями, родными братьями Бештерекъ и Эштерекъ и сохраняли съ Кази мирныя отношенія.

Когда Коншохъ подросла, изъ дѣвочки стала дѣвушкой замѣчательной красоты, ее случайно увидѣли приближенные ногойскихъ князей и рѣшили, что одному изъ нихъ она могла быть самой подходящей женой. Разпро-

сивъ подробно о красотѣ Коншохъ, князья рѣшили, что Бештереку, какъ старшему необходимо жениться на ней. Выбрали князья изъ своего народа почетныхъ стариковъ и послали ихъ къ Кази сватать Коншохъ.

Приѣхали старики ко двору Кази, слѣзли съ лошадей. Кази, увидѣвъ ихъ, пошелъ на встрѣчу имъ, но едва они проговорили ему обычное привѣтствіе, какъ онъ засвисталъ и крикнулъ: „Бештерекъ! Эштерекъ! М-ма! М-ма!“ На его зовъ прибѣжали двѣ собаки. Поглаживая ихъ, Кази сказалъ старикамъ: „Вотъ эту собаку зовутъ Бештерекъ, а эту Эштерекъ“.

Старики, почувствовавъ себя жестоко оскорбленными, сѣли на лошадей, поѣхали со двора. Приѣхали они домой, рассказали князьямъ и всему народу, какъ оскорбилъ ихъ Кази. Народъ былъ возмущенъ и требовалъ смерти Кази. Князья выбрали нѣсколько отважныхъ челоуѣкъ и послали убить Кази.

Тѣ выбрали время, когда сыновья Кази были въ отсутствіи изъ дома, сдѣлали засаду. Утромъ рано Кази съ кумганомъ въ рукѣ вышелъ изъ сакли на дворъ. Ногайцы кинулись къ нему, отрубили ему голову, принесли ее своимъ князьямъ.

Стояла весна, у ногайцевъ въ это время

было въ обычаѣ играть въ мяча и князья замѣнили свой мячъ головой Кази.

Пріѣхали сыновья Кази домой, увидѣли обезглавленный трупъ отца, разузнали, кѣмъ и за что онъ убитъ. Въ первое время они хотѣли было собрать свои дружины, броситься на ногайцевъ, но потомъ поняли, что бороться съ ними не подь силу имъ. Тогда рѣшили выкупить у ногайцевъ голову отца. Ногайскіе князья отвѣтили, что только въ обмѣнъ за Коншохъ, они согласятся возвратить голову Кази.

Коншохъ, узнавъ объ этомъ, воскликнула: „Чтобы избавить голову отца отъ позора, я согласна быть не только женой Бештерека, но и его самой послѣдней рабой“.

Отдавъ Коншохъ въ замужество за Бештерека и получивъ голову Кази, братья похоронили ее и поклялись отомстить ногайцамъ и терпѣливо ждали подходящаго для того случая. Этотъ случай представился только черезъ семь лѣтъ.

Въ теченіе семи лѣтъ у ногайцевъ хлѣбъ родился плохо, тогда какъ у Хоташуко съ братьями урожай былъ обильный. На седьмой годъ Бештерекъ однажды сказалъ Коншохъ: „Что намъ дѣлать: хлѣба у насъ очень мало,

народъ голодаетъ и скоро и намъ самимъ нечего будетъ ѣсть?”

Коншохъ отвѣчала, что у ея братьевъ хлѣба очень много и, если Бештерекъ отпустить ее къ нимъ, то она сумѣетъ добыть у нихъ столько хлѣба, что его будетъ достаточно для всего ногойсакаго народа.

Бештерекъ согласился отпустить Коншохъ погостить къ братьямъ и слѣдомъ за ней послалъ много арбъ для доставки къ нему хлѣба. Братья обрадовались пріѣзду сестры и немедля распорядились нагрузить арбы хлѣбомъ и отправить къ ногойцамъ.

Съ Коншохъ же въ качествѣ прислуги остались нѣсколько ногойцевъ. Въ это время къ братьямъ пріѣхалъ гость съ Кубани—владѣтельный князь по имени Тума-Туганъ. Однажды утромъ, выходя изъ кунацкой, онъ увидѣлъ Коншохъ и поразился ея красотой. Узналъ отъ братьевъ, что ихъ сестра жена Бештерека. Тума-Туганъ упрекнулъ ихъ зато, что тѣ выдали свою сестру въ замужество одному изъ убійцъ ихъ отца. Когда же братья объяснили ему, какъ это произошло, онъ сказалъ, что если Коншохъ согласится быть его женой, то онъ сумѣетъ отомстить ногойцамъ за смерть Кази. Братья спросили сестру. Та отвѣчала, что ради мщенія за отца она на все согласна.

Тогда Тума-Туганъ предложилъ такой планъ мщенія ногайцамъ: онъ поѣдетъ домой, а братья должны распространить въ народѣ слухъ, что уѣзжаютъ одинъ въ Грузію, другой въ Чечню и третій на Кубань, сами же съ отборными воинами должны спрятаться въ лѣсу. Тума-Туганъ въ это время явится съ своимъ войскомъ за Коншохъ и якобы насильно увезетъ ее къ себѣ домой. Спустя два дня, братья, якобы возвратившіеся изъ своихъ поѣздокъ, обнаружатъ кражу своей сестры, о чемъ сообщать ногайскимъ князьямъ и будутъ просить у нихъ помощи отомстить Тума-Тугану.

Планъ удалось выполнить удачно. Какъ только ногайцы, оставшіеся при Коншохъ, увидѣли, что ее похитилъ Тума-Туганъ, поскакали къ своимъ князьямъ, сообщили о происшедшемъ. Хоташуко съ братьями, съ своей стороны, послали къ ногайцамъ просить о мщеніи Тума-Тугану.

Бештерекъ и Эштерекъ поспѣшно собрали огромное войско, двинулись въ погоню за Тума-Туганомъ, предупредивъ Хатахшуко и его братьевъ, чтобы тѣ съ своими дружинами шли соединиться съ ними. Посланный отъ Тума-Тугана предупредилъ Хоташуко, чтобы онъ съ своими дружинами шелъ позади ногайскаго войска, а въ разгаръ битвы долженъ

разомъ ударить на него, не давая никому пощады.

Битва ногайцевъ съ войскомъ Тума-Тугана произошла около р. Этоки. Ногайцы были разбиты, при чемъ въ битвѣ погибли ихъ князья. Затѣмъ войска Тума-Тугана и Хоташуко съ братьями явились въ ногайскіе аулы разграбили и сожгли ихъ; жители, способные носить оружіе были истреблены; остальные забраны въ плѣнъ и обращены въ рабство. Съ этого времени у Хоташуко съ братьями впервые появились рабы.

Шужей и Атажукъ.

Произошло это около ста лѣтъ спустя послѣ того, какъ кабардинцы впервые поселились на территоріи нынѣшняго Нальчикскаго округа.

Въ то время старшими въ родѣ кабардинскихъ князей были два двоюродныхъ брата: Шужей и Атажукъ. Жили они въ верховьяхъ рѣки Баксана, въ нынѣшнемъ селеніи Наурузово, гдѣ и до сихъ поръ сохранились остатки ихъ четырехъ башенъ.

Шужей былъ громаднаго роста, обладалъ большой физической силой, а Атажукъ, наоборотъ, былъ не высокъ, но очень подвиженъ, увертливъ и постоянно ѣздилъ на небольшой, но рѣзвой лошаdkѣ. Однажды братья за что то между собой поссорились и рѣшили, подѣливъ находящееся въ ихъ общемъ владѣніи имущество, жить врозь. При раздѣлкѣ Шу-

жей взять себѣ больше рабовъ, лошадей, рогатаго скота и земель.

Атажукъ былъ обиженъ, а такъ какъ Шужей добровольно не хотѣлъ возратить ему несправедливо присвоенную часть имущества, то онъ обратился на него съ жалобой въ народный судъ, который рѣшалъ всѣ споры, недоразумѣнія, тяжбы, возникавшія между кабардинцами.

Этотъ судъ состоялъ изъ двухъ почетныхъ, избранныхъ всѣмъ народомъ, стариковъ. Обыкновенно жалобщикъ заявлялъ жалобу судьямъ; тѣ назначали день разбора ея, о чемъ заранѣе оповѣщали жалобщика, отвѣтчика и народъ.

Разборъ жалобъ происходилъ всегда въ одномъ мѣстѣ—выше нынѣшняго селенія Иналова, на равнинѣ, окруженной курганами.

Въ день суда на это мѣсто собиралось много народа, который становился въ огромный кругъ; посрединѣ круга находились судьи; до окончанія рѣшенія жалобы они не должны были входить въ общеніе съ народомъ.

Судьи вызывали въ кругъ жалобщика и отвѣтчика. Жалобщикъ громко, во всеуслышаніе, излагалъ жалобу и удалялся изъ круга. Отвѣтчикъ также во всеуслышаніе давалъ свои объясненія на жалобу и оставлялъ кругъ.

Затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, допрашивались свидѣтели, на которыхъ указывали тяжущіяся стороны. По окончаніи предварительнаго слѣдствія по жалобѣ, судьи приступали къ разбору жалобы, который производился тоже во всеуслышаніе, при чемъ ни народъ, ни тяжущіяся стороны не имѣли права вмѣшиваться въ судопроизводство и, вообще дѣлать судьямъ какихъ либо замѣчаній.

Рѣшеніе суда объявлялось сторонамъ тутъ же въ присутствіи народа. Если народъ единогласно одобрялъ рѣшеніе суда, стороны должны были безусловно подчиняться ему, если же онъ находилъ рѣшеніе явно несправедливымъ и пристрастнымъ, то немедленно лишалъ судей ихъ обязанностей, а вмѣсто нихъ выбиралъ новыхъ судей.

Въ назначенный день Атажукъ, въ присутствіи почти всего кабардинскаго народа, повторилъ свою жалобу.

Шужей въ своемъ объясненіи заявилъ, что жалоба Атажука не справедлива, ибо онъ домогается получить то, что ему не принадлежитъ.

Но въ то же время самъ Шужей сознавалъ, что онъ не правъ по отношенію Атажука и былъ увѣренъ, что несмотря на его большое вліяніе на кабардинскій народъ, судьи

все же рѣшатъ дѣло въ пользу Атажука. И, чтобы оказать на судей нравственное давлѣніе, онъ, по окончаніи своего объясненія на жалобу, вмѣстѣ съ своимъ оруженосцемъ, взобрался на курганъ и сталъ на немъ такъ, что судьи не могли не видѣть его. И, дѣйствительно, судьи, посматривая на Шужея, начали уже колебаться въ своемъ рѣшеніи жалобы въ пользу Атажука.

Атажукъ сразу понялъ замыслы Шужея, разогналъ свою лошадку и поскакалъ на курганъ.

Шужей, думая, что Атажукъ просто джигитуетъ, посторонился, сошелъ съ своего мѣста, такъ что судьямъ стала видна только одна его голова. Атажукъ во второй разъ погналъ лошадку на курганъ, направляя ее на Шужея. Шужей еще ниже спустился съ кургана. Атажукъ въ третій разъ направилъ лошадку на Шужея, но тотъ уже понялъ, для чего все это продѣлываетъ его соперникъ, и когда лошадка того подскакала къ нему, онъ быстро схватилъ изъ рукъ оруженосца длинное копьѣ, проткнулъ имъ насквозь грудь лошади. Атажукъ при паденіи лошади успѣлъ выпрыгнуть изъ сѣдла, и тутъ же далъ себѣ клятву убить Шужея.

Судьи, хорошо знали, что въ спорѣ двухъ

князей правда на сторонѣ Атажука, тѣмъ не менѣе, не рѣшались постановить своего приговора въ пользу послѣдняго, опасаясь мести со стороны Шужея; желая снять съ себя всякую отвѣтственность за тотъ или иной исходъ дѣла, они воспользовались только что происшедшимъ между Атажукомъ и Шужеемъ случаемъ и объявили имъ, что дѣло ихъ очень сложно, запутано и рѣшить его вполнѣ безпристрастно судьямъ не представляется возможности, а потому они пришли къ убѣжденію, что единственно справедливымъ рѣшеніемъ его будетъ единоборство двухъ княжескихъ борцовъ: правда должна быть на сторонѣ побѣдителя.

Князья поѣхали домой съ тѣмъ, чтобы къ назначенному судьями сроку явиться на мѣсто суда съ своими борцами.

У Шужея былъ громаднаго роста силачъ, а у Атажука силача не было, и онъ поѣхалъ искать его.

Однажды онъ увидѣлъ въ лѣсу, что волы были не въ состояніи втащить на крутой подъемъ тяжелое бревно. Подошолъ небольшого роста, но плотный человѣкъ, взявъ бревно на плечо и свободно втащилъ его на подъемъ.

Атажукъ узналъ, что этотъ человѣкъ жи-

ветъ въ лѣсу, въ балаганѣ и втаскиваніемъ бревенъ зарабатывалъ своему семейству пропитаніе, Атажукъ уговорилъ его выступить бороться съ силачемъ Шужея, за что обязался въ теченіе цѣлаго года кормить его семейство.

Наступилъ день борьбы. Атажукъ былъ въ отсутствіи изъ дома и не успѣлъ прибыть къ мѣсту поединка силачей.

Боролись они безъ него.

Силачъ Атажука схватилъ своего противника, высоко приподнялъ, ударилъ его объ землю и только хотѣлъ колѣномъ придавить его грудь какъ Шужея, хотя и не имѣлъ по обычаю права на это, вошелъ въ огороженное мѣсто, гдѣ происходила борьба, схватилъ за плечи силача Атажука и, какъ бы отпихивая его отъ себя, вонзилъ ему между плечъ сверху внизъ, короткое копье, которое было спрятано у него въ рукавѣ черкески.

Силачъ, почувствовавъ сильную боль, съ такой силой толкнулъ отъ себя Шужея, что тотъ упалъ и покатился отъ него, какъ мячъ. Затѣмъ силачъ пришелъ къ женѣ Атажука, рассказалъ про коварство Шужея и умеръ.

Возвратившійся домой Атажукъ далъ вторично клятву отомстить Шужею.

Но онъ понималъ, что мщеніе ему удастся

только въ томъ случаѣ, если онъ примирить-ся съ Шужеемъ, войдетъ къ нему въ довѣ-ріе, усыпить его подозрительность.

Быль у Шужея еще одинъ врагъ—его вто-рой двоюродный братъ, жившій выше нынѣш-няго селенія Наурузово. Явился къ нему Ата-жукъ и вмѣстѣ съ нимъ, придумалъ такой планъ своего мнимаго примиренія съ Шуже-емъ: второй двоюродный братъ угонить у Атажука табунъ лошадей; Атажукъ поѣдетъ къ Шужею, примирится съ нимъ и будетъ просить у него помощи отобрать табунъ об-ратно; когда же Шужей примирится съ Ата-жукомъ, послѣднему не трудно будетъ выб-рать удобный случай для убійства его.

Притворился Атажукъ сильно удрученнымъ и обиженнымъ потерей табуна лошадей, яко-бы отбитаго у него его вторымъ двоюрод-нымъ братомъ, поскакалъ жаловаться на не-го Шужею, и, жалуясь, увѣрялъ послѣдняго, что онъ позабылъ все прошлое и искренно желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ и согласіи.

Шужей отвѣчалъ, что онъ готовъ помочь Атажуку отбить его табунъ, но только онъ сомнѣвается въ искренности его намѣреній, потому требуетъ, чтобы Атажукъ на завтра вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ въ жулатъ и тамъ поклялся бы въ вѣрности ему.

Узнала жена Шужея о его намѣреніи ѣхать вмѣстѣ съ Атажукомъ въ жулатъ, стала отговаривать его отъ этой поѣздки, такъ какъ сердце ея предчувствуетъ, что поѣздка кончится для Шужея очень несчастливо. Шужей въ отвѣтъ разсмѣялся и сказалъ, что ему ли бояться Атажука, но на всякій случай взялъ съ собой въ дорогу одного изъ вѣрныхъ своихъ слугъ.

Въ жулатѣ Шужей и Атажукъ поклялись въ вѣрности одинъ другому и поѣхали обратно домой.

Подѣхали они къ двумъ курганамъ, стоящимъ за нынѣшнимъ селеніемъ Шалушинскимъ, остановились дать отдохнуть лошалямъ.

Въ верстѣ отъ этихъ кургановъ было расположено большое селеніе, принадлежавшее 12-ти братьямъ Куденетовымъ; мать ихъ своею грудью вскормила Шужея и, по обычаю, считалась его молочной матерью, а ея сыновья—его молочными братьями.

Шужей предложилъ Атажуку заѣхать къ своей молочной матери закусить и отдохнуть.

Атажукъ отвѣчалъ, что онъ не прочь бы это сдѣлать, но ему жаль тревожить старуху, такъ какъ пріѣздъ его и Шужея заста-

вить ее и ея сыновей ухаживать за гостями, что несомнѣнно утомить ее, а будетъ лучше, если Шужей пошлетъ своего слугу въ селеніе, и онъ принесетъ имъ баранины и бузы, а тѣмъ временемъ можно будетъ лошадей пустить пасться, а самимъ немного заснуть.

Шужей согласился, послалъ слугу въ селеніе; потомъ легъ на курганъ, положивъ подъ голову снятое съ лошади сѣдло, и скоро заснулъ. Атажукъ тоже прилегъ недалеко отъ него на разосланной буркѣ, но не спалъ, карауля пасущихся лошадей.

Убѣдившись, что Шужей спитъ крѣпко, Атажукъ подумалъ, что теперь для него насталъ самый удобный моментъ, привести въ исполненіе планъ своего мщенія. Относительно же своей клятвы въ жулатѣ онъ сказалъ себѣ, что клянясь въ вѣрности Шужею, онъ въ тоже время думалъ о мщеніи ему, слѣдовательно клятва, данная имъ, не дѣйствительна.

Поднялся Атажукъ съ бурки, подкрался къ Шужею, выхватилъ шашку и глубоко зарубилъ ему лобъ.

Почувствовавъ ударъ Шужей вскочилъ на ноги и, обливаясь кровью взмахнулъ шашкой вокругъ себя, но Атажукъ успѣлъ избѣжать удара.

Упалъ на землю Шужей и, умирая, проклялъ Атажука за вѣроломство.

Положилъ Атажукъ Шужея такъ, какъ онъ лежалъ во время сна, уничтожилъ слѣды крови, и, улегшись на бурку, сталъ ожидать слугу Шужея.

Тотъ скоро подошолъ и сказалъ, что черезъ нѣкоторое время изъ селенія будетъ принесена баранина и буза.

Вдругъ Атажукъ вскочилъ на ноги, взмахнулъ шашкой надъ головой слуги.

— Шужея я сейчасъ убилъ и тебя убью, если ты останешься вѣренъ своему князю—сказалъ онъ ему.

Слуга подумалъ, что остаться князю вѣрнымъ хорошо, но и жизнь вѣдь тоже хороша.

— Лучше заяцъ въ руки, чѣмъ олень въ лѣсу—отвѣтилъ онъ Атажуку:—я буду твоимъ слугой и сдѣлаю все, что ты прикажешь.

— Поклянись мнѣ въ томъ,—потребовалъ Атажукъ.

Слуга поклялся.

Въ сторонѣ отъ кургановъ кабардинецъ пахалъ пашню; тамъ же стояла его арба.

Атажукъ съ помощью слуги отнесъ трупъ Шужея на пашню и слегка засыпалъ его

землей; кабардинцу же о всемъ видѣнномъ приказалъ никому не говорить, въ противномъ случаѣ угрожалъ ему смертью.

Потомъ, поручивъ пахарю стеречь лошадей,—свою, Шужея и слуги, Атажукъ легъ въ арбу, накрылся буркой съ головой, а слугѣ приказалъ запречь въ арбу быковъ и ѣхать въ селеніе Куденетовыхъ и сказать имъ и ихъ матери, что Шужей въ ссорѣ убилъ Атажука, трупъ котораго и лежитъ въ арбѣ.

Слуга такъ и сдѣлалъ.

Когда Куденетовы и мать ихъ узнали о смерти Атажука, весьма опечалились. Мать подошла къ арбѣ и, повторяя: „бѣдный бѣдный, Атажукъ,“ протянула руку къ буркѣ, чтобы взглянуть на трупъ Атажука. Въ это время Атажукъ быстро вскочилъ изъ подъ бурки, кинулся къ матери, разорвалъ платье на ея груди, схватилъ въ ротъ сосокъ одной изъ грудей и пососалъ молока.

Братья Куденетовы и ихъ мать недоумѣвали, къ чему все это продѣлалъ Атажукъ?

Тогда Атажукъ объяснилъ имъ, что онъ теперь—молочный сынъ матери Куденетовыхъ, а ихъ—молочный братъ, слѣдовательно по обычаю, избавляется мщенія съ ихъ стороны за смерть Шужея, котораго онъ

убиль; потомъ подробно разсказалъ, какъ и за что убиль его. Братья Куденетовы рѣшили, что хотя Атажукъ сталъ ихъ молочнымъ братомъ благодаря своей находчивости, но разъ онъ сдѣлался имъ, они, въ силу обычая, лишены возможности отомстить ему за смерть Шужея.

Шужей былъ похороненъ съ княжскими почестями, а Атажукъ послѣ него сталъ старшимъ въ родѣ кабардинскихъ князей.

Кара-Кундетъ.

Кара-Кундетъ, одинъ изъ предковъ нынѣшней фамилии Куденетовыхъ, былъ высокъ, строень и отваженъ въ набѣгахъ и битвахъ.

Однажды къ нему во дворъ пріѣхалъ незнакомый гость, какой то, бѣдно и грязно одѣтый, молодой человѣкъ.

Кара-Кундетъ посмотрѣлъ изъ сакли на гостя, рѣшилъ, что онъ человѣкъ низкаго происхожденія и не вышелъ къ нему на встрѣчу, хотя по обычаю онъ долженъ былъ встрѣтить его.

Холопъ Кара-Кундета помогъ гостю слѣзть съ лошади, отвелъ ее къ стойлу, задалъ корма ей, а гостя потомъ повелъ въ кунацкую*), принесъ ему кушанья и напитки.

Прожилъ гость въ кунацкой день, другой

*) Кунацкая—сакля въ одну комнату для гостей.

и третій, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, а только знаетъ, что ѣсть шашлыкъ, пьетъ бузу да спитъ. На четвертый день черезъ холопа зоветъ онъ къ себѣ Кара-Кундета.

Пришелъ въ кунацкую Кара-Кундентъ, спросилъ гостя, кто онъ и откуда?

Гость отвѣчалъ:

— Кто я и откуда, знать тебѣ совсѣмъ не надо. Позвалъ я тебя для того, что бы предложить ѣхать со мной въ набѣгъ, причемъ долженъ предупредить, что мы можемъ и не остаться въ живыхъ. Согласенъ ты ѣхать?

— Согласенъ,—отвѣчалъ Кара-Кундетъ, и ночью съ гостемъ выѣхалъ со двора.

Всю ночь до разсвѣта ѣхали молча, а утромъ, покормили лошадей, тронулись дальше, ни слова не говоря другъ другу,—и цѣлую недѣлю ѣхали они въ молчаніи.

Разъ ѣдутъ они; видятъ большой табунъ лошадей.

Кара-Кундетъ говоритъ спутнику:

— Угонимъ этотъ табунъ...

Спутникъ отвѣчаетъ:

— Табунъ этотъ мой... Пусти въ него свою лошадь, а себѣ поймай вороного жеребца съ бѣлыми ногами: такой конь не скоро

устанеть въ пути*). Кара-Кундетъ съ помощью табунщика поймалъ жеребца, котораго ему указалъ спутникъ, осѣдлалъ, объѣздилъ его.

Черезъ три недѣли пути подъѣхали они къ мѣсту, густо заросшему высокими камышами, близъ берега Каспійскаго моря, слѣзли съ лошадей, стреножили ихъ.

Спутникъ Кара-Кундета принялся кинжаломъ рѣзать камышъ, а Кара-Кундету сказалъ, чтобы тотъ складывалъ камышъ въ три отдѣльныя кучи.

Когда эти кучи стали большими, спутникъ предложилъ Кара-Кундету лечь спать.

Утромъ рано, проснувшись, сказалъ:

-- Я ѣду, а ты оставайся здѣсь и ожидай моего возвращенія. Станеть темнѣть, зажги одну кучу камыша; сгоритъ она, зажигай другую, а потомъ зажигай и третью. На зарѣ я возвращусь, а если къ назначенному сроку меня здѣсь не будетъ, жди меня до полудня, а потомъ ѣзжай къ себѣ домой. По дорогѣ увидишь мой табунъ, возьми его себѣ, скажи табунщикамъ, что я подарилъ его тебѣ.

Кара-Кундетъ сказалъ:

— Хорошо, я сдѣлаю такъ, какъ ты говоришь.

*) У кабардинцевъ существуетъ повѣрье, что лошадь съ бѣлыми ногами отличается особою выносливостью въ пути.

И больше ни о чемъ не спрашивалъ онъ своего спутника.

Спутникъ вскочилъ на лошадь и быстро поскакалъ, а Кара-Кундетъ не посмотрѣлъ, въ какую сторону онъ поскакалъ.

Наступилъ вечеръ. Кара-Кундетъ зажегъ одну кучу камыша, а когда она сгорѣла, зажегъ другую и потомъ третью.

И вотъ на разсвѣтѣ онъ услышалъ конскій топотъ и увидѣлъ бѣгущихъ на него двѣнадцать арабскихъ лошадей, которыхъ гналъ его спутникъ.

Подскакавъ къ Кара-Кундету онъ крикнулъ.

— Садись на лошадь и скорѣй погонимъ отбитыхъ мною коней: за мной въ погоню скачетъ хозяинъ ихъ.

Вскочилъ Кара-Кундетъ на лошадь и погналъ съ спутникомъ отбитыхъ коней.

Скачутъ они и слышатъ позади себя погоню.

Оглянулись, видятъ—скачетъ за ними на великолѣпной лошади какой то человѣкъ высокаго роста.

Говоритъ спутникъ Кара-Кундету:

— Это хозяинъ отбитыхъ коней скачетъ. Его лошадь лучше нашихъ, и онъ скоро догонитъ насъ. Онъ на меня перваго набро-

сится, но ты не кидайся выручать меня, — я самъ съ нимъ биться буду, и ужъ тогда, когда онъ станетъ одолѣвать, ты постарайся отрубить ему голову.

— Хорошо, я такъ сдѣлаю, какъ ты сказалъ, — отвѣчалъ Кара-Кундетъ.

Подскакалъ къ нимъ высокій человѣкъ, крикнулъ спутнику Кара-Кундета:

— Наконецъ то я тебя догналъ. Теперь не выпущу тебя живымъ. Ты также погибнешь отъ моей руки, какъ и пять братьевъ твоихъ.

Подскакалъ онъ къ нему, схватилъ его за воротникъ черкески и выбросилъ изъ сѣдла на землю, потомъ самъ соскочилъ съ лошади, кинулся къ нему съ кинжаломъ.

Но спутникъ Кара-Кундета ловкимъ ударомъ выбилъ у него изъ рукъ кинжалъ.

Высокій человѣкъ выхватилъ шашку; спутникъ Кара Кундета сдѣлалъ тоже, и начался бой.

Высокій человѣкъ нападалъ, спутникъ Кара-Кундета защищался, отражая его удары.

И видитъ Кара-Кундетъ, что его спутникъ сталъ поддаваться, слабѣть.

Тогда онъ ловкимъ взмахомъ накиннулъ

арканъ на высокаго человѣка и потащилъ его по землѣ.

Подбѣжалъ спутникъ Кара-Кундета, ударомъ шашки отрубилъ голову своему врагу, прилегъ было на землю и хотѣлъ пить его кровь, но Кара-Кундетъ не допустилъ его до этого.

Тогда тотъ наполнилъ кровью врага бурдюкъ, положилъ въ него его голову; бурдюкъ привязалъ къ сѣдлу. Потомъ обмылъ руки, совершилъ намазъ, сѣлъ на лошадь и сказалъ Кара-Кундету:

— Вдемъ!

— Вдемъ,—отвѣтилъ Кара-Кундетъ и не спрашивалъ онъ своего спутника, что за человѣкъ былъ его врагъ и зачѣмъ онъ везетъ въ бурдюкъ его кровь и голову.

И спутникъ объ этомъ ничего не говорилъ ему.

Три недѣли они ѣхали въ молчаніи.

На исходѣ третьей недѣли подъѣзжаютъ къ большому аулу.

Спутникъ Кара-Кундета сказалъ:

— Это аулъ моего отца. Поѣдемъ къ намъ — тамъ ты отдохнешь съ дороги...

— Хорошо,—отвѣтилъ Кара-Кундетъ,— поѣдемъ.

Вѣхали въ аулъ. На встрѣчу имъ вышли:

отецъ, мать спутника Кара-Кундета и все населеніе аула, всѣ радовались, видя его живымъ и здоровымъ

Спутникъ Кара-Кундета сказалъ своимъ родителямъ:

— Это—мой лучшей товарищъ.

И указалъ рукой на Кара-Кундета.

Отецъ и мать привѣтствовали Кара-Кундета, просили быть ихъ гостемъ.

Въ тотъ же день они устроили большой пирь.

Когда Кара-Кундетъ утолилъ голодъ и жажду, спутникъ его сказалъ:

— Ты усталъ съ дороги. Пойди, лягъ, отдохни.

И отвелъ Кара-Кундета въ особое помещеніе въ саклѣ.

Легъ спать Кара-Кундетъ и не могъ заснуть; слыша доносившійся до него со двора шумъ людскихъ голосовъ, подумалъ:

— Теперь этотъ молодой человекъ вытащилъ изъ бурдюка отрубленную голову и хвастаетъ передъ родителями своими и остальнымъ народомъ, что это онъ убилъ своего врага.

И всталъ Кара-Кундетъ съ постели, тихонько вышелъ изъ сакли, незамѣтно сталъ позади толпы народа. И увидѣлъ онъ: его

спутникъ одѣтый въ богатую одежду, съ вымытымъ бѣлымъ и красивымъ лицомъ, въ новой шапкѣ вытащилъ изъ бурдюка отрубленную голову врага и, показывая ее родителямъ своимъ и народу, говоритъ:

Наконецъ-то братья наши отомщены: вотъ голова ихъ убійцы, и въ бурдюкѣ кровь его. Но я долженъ сказать, что не будь сомной Кара-Кундета, мнѣ не миновать участи моихъ братьевъ: Кара-Кундетъ обезоружилъ врага, а я только голову ему отрубилъ.

При этомъ отъ нечаяннаго движенія у него упала шапка съ головы, и длинные роскошные волосы рассыпались по плечамъ.

И увидѣлъ Кара-Кундетъ, что спутникъ его—не мужчина, а молодая и красивая дѣвушка, и чтобы подавить въ себѣ крикъ изумленія, до крови укусилъ себя за палецъ, и затѣмъ незамѣтно вошелъ въ саклю, легъ въ постель, но не могъ уснуть, думая о красивой дѣвушкѣ.

Утромъ къ нему въ помещеніе вошелъ спутникъ и спросилъ.

— Хорошо-ли, покойно-ли тебѣ спалось?
Кара-Кундетъ отвѣтилъ:

— Я всю ночь не спалъ, все думалъ, что ты не мужчина, а женщина.

Спутникъ его засмѣялся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ты ошибаешься:
я мужчина.

Кара-Кундетъ показалъ ему свой укушен-
ный палець, сказалъ:

— Вотъ этотъ палець свидѣтель, что ты
дѣвушка.

Спутникъ сказалъ:

— Да, я дѣвушка, сестра тѣхъ пяти бра-
тьевъ, которыхъ убилъ нашъ врагъ. Одѣлась
же я въ мужскую одежду для того, что муж-
чинѣ безопаснѣе одному пускаться въ доро-
гу и чтобы удобнѣе было выполнить мечь.

Погостивъ съ недѣлю, Кара-Кундетъ со-
брался было ѣхать домой, но тутъ же почув-
ствовалъ, что онъ полюбилъ дѣвушку и одинъ
безъ нея не можетъ ѣхать.

Пошолъ онъ къ ея родителямъ, сказалъ,
что очень любить ихъ дочь, хотѣлъ бы взять
ее къ себѣ въ жены.

Родители спросили дочь, хочетъ-ли она
быть женой Кара-Кундета?

— Хочу, отвѣчала та,—только Кара-Кун-
детъ и долженъ быть моимъ мужемъ.

И Кара-Кундетъ женился на ней.

Яманъ-Чарыкъ.

Лѣтъ 150—200 тому назадъ, жилъ въ Кабардѣ богатый князь. Умирая, онъ оставилъ послѣ себя беременную жену, которая спустя три мѣсяца послѣ смерти мужа, родила мальчика и дала ему имя Айдемирканъ.

Какъ молодая женщина, она была не опытна въ веденіи обширнаго хозяйства, оставленнаго мужемъ, и просила сосѣдей присматривать за нимъ, сама же всецѣло посвятила себя воспитанію ребенка. Сосѣди не присматривали за ея хозяйствомъ, а расхищали его, такъ что, когда Айдемиркану сравнялось 10 лѣтъ, у него съ матерью отъ отцовскаго имущества ничего не осталось, кромѣ сакли.

Въ то давнее время кабардинскіе князья часто собирали дружины и отправлялись съ ними въ набѣгъ на сосѣдніе народы—чаще

всего на ногойцевъ и кумыковъ, грабили у нихъ лошадей, другое имущество, брали въ плѣнъ людей, которыхъ потомъ обращали въ рабство.

Однажды нѣсколько князей съ своими дружинами собрались въ такой набѣгъ.

Узнавъ объ этомъ Айдемирканъ, сталъ просить ихъ взять его съ собой, говоря, что если онъ по малолѣтству и не можетъ принимать участіе въ битвѣ, то будетъ далеко не бесполезенъ въ дорогѣ, присматривая во время ночлега князей и ихъ дружинъ за лошадьми. Князья, посовѣтовавшись, рѣшили взять его съ собой.

У Айдемиркана не было ни лошади, ни сѣдла, и мать его обратилась за ними съ просьбой къ сосѣдямъ. И вотъ одинъ изъ нихъ далъ Айдемиркану лошадь, другой—сѣдло и уздечку, третій—бурку, и снарядившись такимъ образомъ, Айдемирканъ отправился съ князьями въ путь.

Годъ цѣлый пробыли князья съ своими воинами въ пути, пробрались въ Грузію, напали на богатое селеніе, разграбили и сожгли его, забрали съ собой много лошадей, ковровъ, серебрянной, мѣдной посуды и отправились въ обратный путь.

Однажды, достигнувъ предѣловъ Кабарды,

они, остановившись на ночлегъ, подѣлили между собой добычу, такъ какъ съ этого мѣста имъ предстояли разныя дороги. Среди отбитыхъ у грузинъ лошадей, была одна жеребяная кобылица, и вотъ ночью, стережа лошадей, Айдемирканъ увидѣлъ, что эта кобылица принесла жеребенка, при чемъ жеребенокъ не упалъ на землю, а всталъ на всѣ четыре ноги. Айдемирканъ удивился этому, но еще больше удивился, когда видѣлъ, что жеребенокъ потянувшись къ соску матери и, не найдя его, перепрыгнулъ черезъ нее и съ другой стороны потянулся къ соску,—и такъ онъ перепригивалъ черезъ мать три раза, пока не нашелъ соска.

Айдемирканъ рѣшилъ никому не говорить о видѣнномъ.

Утромъ князя и ихъ воины собрались въ путь, и тотъ князь, которому при дѣлежѣ добычи досталась кобылица, совсѣмъ не обрадовался принесенному ею приплоду; дорога до своего аула ему предстояла дальняя и не окрѣпшій жеребенокъ только задерживалъ бы въ пути. Князь хотѣлъ зарѣзать жеребенка на шашлыкъ. Тогда Айдемирканъ попросилъ князя, чтобы онъ не рѣзалъ жеребенка, и промѣнялъ его ему на что нибудь.

— Да возьми его безъ всякой мѣны,— сказалъ князь.

Но Айдемирканъ вытащилъ изъ своей походной сумки старые отцовскіе чевяки, которые годъ тому назадъ, уѣзжая изъ дому взялъ съ собой, и подалъ ихъ князю.

— Вотъ все мое имущество, которое я могу дать за жеребенка,—сказалъ онъ.

— Это мнѣ и нужно,— отвѣтилъ князь, — мои чевяки давно уже продырявились.

Но потомъ, разсмотрѣвъ чевяки, сказалъ:

— Яманъ Чарыкъ, т. е. плохіе чевяки...

Все же обулъ ихъ и сказалъ Айдемиркану:

— Пусть же и твой жеребчикъ носить имя Яманъ Чарыкъ.

Пріѣхалъ Айдемирканъ домой и съ большой радостью былъ встрѣченъ матерью.

Подвелъ онъ къ матери жеребенка и просилъ ее ухаживать за нимъ также, какъ она ухаживала за Адеймирканомъ, когда тотъ былъ ребенкомъ.

И съ тѣхъ поръ сынъ и мать отдались воспитанію жеребенка, при чемъ Айдемирканъ и ночью не разставался съ нимъ.

Прошло четыре года и Айдемирканъ, которому сравнялось 15 лѣтъ, рѣшилъ, что уже настала пора начать объѣзжать Яманъ Чарыка.

Осѣдлавъ, вскочилъ онъ на него.

Яманъ Чарыкъ взвился на заднія ноги, хотѣлъ сбросить съ себя Айдемиркана, но тотъ держался крѣпко; тогда высоко взбрыкнулъ онъ задними ногами, но Айдемирканъ сидѣлъ на немъ попрежнему крѣпко. Бросался онъ то въ ту, то въ другую сторону, билъ передними и задними ногами, грызъ удила и потомъ, сорвавшись съ мѣста, какъ вихрь мчался по степи и долго носился по ней, стараясь стряхнуть съ себя Айдемиркана, но сдѣлать это ему такъ и не удалось, и къ вечеру онъ былъ уже вполнѣ объѣзженнымъ конемъ. Съ этого дня Айдемирканъ еще съ большимъ стараніемъ ухаживалъ за своимъ жеребцомъ, а еще черезъ четыре года въ Кабардѣ уже всѣ говорили объ удивительной лошади Яманъ Чарыкъ и ея владѣльцѣ Айдемирканѣ...

Однажды богатые братья-князья устроили по случаю какого-то домашняго торжества большой пиръ, на который съѣхалось много гостей.

По окончаніи пира были танцы и скачки съ джигитовками, причемъ нѣсколько молодыхъ князей особенно отличались своимъ удалствомъ. Всѣ хвалили ихъ и ихъ коней, но въ тоже время говорили, что всетаки луч-

шій джигитъ въ Кабардѣ—Айдемирканъ и лучший конь Яманъ Чарыкъ.

Молодые князья были обижены и рѣшили убить Айдемиркана. Когда они сговаривались, какъ лучше сдѣлать это, къ нимъ подошелъ одинъ уздень*) сказалъ:

— Послушайте меня, я вамъ скажу, какъ можно будетъ избавиться отъ Айдемиркана. Поѣдьте всѣ вмѣстѣ искать его и, когда найдемъ, пригласимъ его къ себѣ въ гости, а потомъ попросимъ проскакать мимо насъ три раза, чтобы мы могли оцѣнить рѣзвость Яманъ Чарыка. Когда онъ будетъ скакать мимо насъ во второй разъ, надо стараться пустить въ него стрѣлы. Если же мы этого не успѣемъ сдѣлать, то онъ всѣхъ насъ перебьетъ.

Поѣхали князья съ узденемъ искать Айдемиркана, который жилъ въ нынѣшней Малой Кабардѣ. Приѣхали въ одинъ аулъ, стали спрашивать, гдѣ живетъ Айдемирканъ, но ни кто этого имъ не сказалъ. Тогда они выѣхали на высокій курганъ и расположились на немъ отдохнуть.

И вотъ увидѣли они далеко-далеко впереди себя, что какое то черное пятнышко быстро движется по дорогѣ и все растетъ и растетъ, и не успѣли они спросить другъ дру-

*) Уздень—дворянинъ.

га, что это такое, какъ на курганѣ передъ ними очутился Айдемирканъ на своемъ Яманъ Чарыкѣ.

Князя и уздень вскочили на ноги.

Яманъ Чарыкъ сталъ бить передними и задними ногами, а Айдемирканъ, успокаивая, гладилъ его шею рукой, говорилъ:

— Успокойся, успокойся! Я знаю, что эти князя хотятъ убить меня, но сдѣлать это имъ не удастся.

Князя и уздень начали клясться, что они совсѣмъ не думали убивать Айдемиркана, а, много слыша объ его удивительномъ удалствѣ, рѣзвости Яманъ Чарыка, хотѣли лично удостовѣриться въ этомъ и просили его проскакать мимо нихъ три раза.

— Ну, хорошо,—сказалъ Айдемирканъ,—смотрите!

Тронулъ Яманъ Чарыка, и мигомъ скрылся изъ глазъ князей и узденя. И пока тѣ искали-его глазами, онъ, джигитуя, какъ вѣтеръ, несся обратно. И не успѣли они взяться за луки и стрѣлы, какъ онъ снова несся мимо нихъ.

Проскакавъ третій разъ, Айдемирканъ остановился передъ князьями и узденемъ, вынулъ изъ колчана стрѣлу, положилъ ее на лукъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ имъ,—вы хоти-

те убить меня. Если есть среди васъ мужчина, а не женщина, пусть выходитъ, посмотримъ, кто изъ насъ лучше владѣеть лукомъ.

Князя опять начали клясться и увѣрять Айдемиркана, что у нихъ совсѣмъ не было намѣренія убивать его, въ подтвержденіе чего они убѣдительно просятъ его пожаловать къ нимъ въ гости.

— Хорошо, я принимаю приглашеніе, сказалъ Айдемирканъ и поѣхалъ съ князьями въ одинъ изъ ихъ ауловъ.

Быль устроенъ большой пиръ. Начались танцы.

Айдемирканъ танцевалъ съ самой красивой дѣвушкой изъ всѣхъ присутствовавшихъ на танцахъ дѣвушекъ, причемъ танцуя, держалъ въ одной рукѣ большую чашку, наполненную на равнѣ съ ея краями бузой, и во время самыхъ быстрыхъ движеній его буза не расплескивалась изъ чашки. Въ разгаръ танцевъ Айдемирканъ, продолжая держать въ рукѣ чашку съ бузой, другой рукой схватилъ дѣвушку, выбѣжалъ съ ней на дворъ, вскочилъ на Яманъ Чарыка и поскакалъ.

Всѣ бывшіе на пиру мужчины вскочили на лошадей, кинулись въ погоню за нимъ, но онъ уже давно скрылся изъ ихъ глазъ, куда — они не знали.

Отець дѣвушки и жители аула сильно обозлились на Айдемиркана, стали искать такого человѣка, который могъ убить его, обѣщая въ награду за убійство по барану съ каждой сакли, и не нашли такого человѣка.

Живя дома, Айдемирканъ часто проводилъ время на охотѣ. Особенно любилъ онъ охоту на оленей.

Онъ на Яманъ Чарыкѣ выѣзжалъ въ лѣсъ, отыскивалъ оленя, выгонялъ его въ степь и гонялся за нимъ, пока замореннаго полуживого отъ усталости не загонялъ къ себѣ во дворъ.

Однажды онъ гонялся по степи за оленемъ. Въ это время, на дорогѣ на воловьей арбѣ съ дровами изъ лѣса ѣхалъ старикъ кабардинецъ. Олень, спасаясь отъ настигавшаго его Яманъ Чарыка, бросился къ арбѣ, желая спрятаться за ней, но пущенная Айдемирканомъ стрѣла пронзила его, онъ упалъ подъ арбу; волю остановились. Старикъ взглянулъ на убитаго оленя, началъ ругать охотника.

Подскакалъ Айдемирканъ, вытацилъ изъ оленя стрѣлу, сказалъ старику:

— Возьми себѣ дѣдъ, этого оленя: тебѣ его дарить Айдемирканъ.

Старикъ оленя взвалилъ на арбу, но воз-

ненавидѣль Айдемиркана: онъ, въ сравненіи съ нимъ, такой мальчишка, но уже всюду имя его извѣстно по Кабардѣ, и конь у него такой великолѣпный, равнаго которому нѣтъ нигдѣ! А онъ, старикъ, до сѣдыхъ волосъ дожилъ и дальше своего аула никому не извѣстенъ и кромѣ пары старыхъ быковъ, нѣтъ у него ничего.

— Если подойдетъ подходящій случай, узнаешь ты меня, Айдемирканъ,—сказалъ онъ самъ себѣ.

И вотъ разъ старикъ, узнавъ, что какъ нѣсколько князей сговариваются убить Айдемиркана и завладѣть Яманъ Чарыкомъ, пришелъ къ нимъ и сказалъ:

— Сколько вы не уговаривайтесь, а вамъ не убить Айдемиркана до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ сидѣть на Яманъ Чарыкѣ. Вы послушайте меня, что я вамъ скажу.

Князья сказали:

— Говори.

Старикъ сказалъ:

— Вы пригласите Айдемиркана къ себѣ въ гости и уговорите поджигитовать на чужой лошади и, когда онъ сядетъ на нее, тогда и убивайте его. Пока же онъ будетъ сидѣть на Яманъ Чарыкѣ, повторяю, вамъ его не убить, потому что Яманъ Чарыкъ преду-

преждаеть хозяина о грозящей ему опасности.

Князья послушались старика, поѣхали къ Айдемиркану, пригласили его къ себѣ въ гости:

— О, я знаю ваши мысли,—сказалъ Айдемирканъ князьямъ,—но все равно не выйдетъ такъ, какъ вы задумали. Я принимаю ваше приглашеніе.

Приѣхалъ онъ къ князьямъ. Тѣ въ честь его устроили большой пиръ.

Айдемирканъ много танцевалъ, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что лучше его нѣтъ танцора въ Кабардѣ; много джигитовалъ на Яманъ Чарыкѣ и всѣ говорили: нѣтъ лошади, равной Яманъ Чарыку.

Князья слыша эти похвалы, завидовали Айдемиркану и хотѣли тутъ же убить его, но побоялись народа, зная, что имъ тогда не остаться въ живыхъ, потому что народъ любилъ Айдемиркана за его удалство, за молодость, открытый, веселый нравъ.

Во время оживленныхъ танцевъ прибѣжалъ тотъ самый старикъ, которому Айдемирканъ подарилъ оленя, сказалъ, что въ лѣсу онъ замѣтилъ оленя, лежащаго въ чащѣ.

Князья предложили Айдемиркану поохотиться.

Айдемирканъ согласился и хотѣлъ было собираться на Яманъ Чарыкъ, но князья сказали ему:

— Твой конь усталъ. Возьми любую изъ нашихъ лошадей.

— Яманъ Чарыкъ никогда не устаетъ,— отвѣтилъ Айдемирканъ.

Князья сказали:

— Правда наши лошади не могутъ сравниться съ Яманъ Чарыкомъ, но у насъ есть такія, на которыхъ ты можешь сѣсть, не гнушаясь ими.

— Я только на Яманъ Чарыка сажусь,— отвѣчалъ Айдемирканъ.

— Ты насъ обижаешь, если такъ пренебрежительно относишься къ нашимъ лошадямъ,—сказали князья.

Айдемирканъ, не желая обижать князей, согласился сѣсть на чужого скакуна.

Впереди шелъ старикъ, чтобы указать мѣсто, гдѣ лежалъ олень.

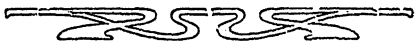
Первымъ изъ охотниковъ замѣтилъ оленя Айдемирканъ и кинулся за нимъ въ чащу.

Вхавшіе сзади него двое князей быстро натянули луки и пустили въ Айдемиркана двѣ стрѣлы, которыя вонзились ему въ затылокъ, и Айдемирканъ свалился на землю мертвымъ. Тогда князья, погоняя своихъ коней,

кинулись обратно въ ауль чтобы завладѣть Яманъ Чарыкомъ, но тотъ, слышавъ шумъ, рванулся, что есть силы, порвалъ поводъ и какъ вѣтеръ, помчался въ степь.

Князя и весь народъ кинулись его ловить, но Яманъ Чарыкъ мелькнувъ черной точкой, скрылся изъ ихъ глазъ.

Народъ говоритъ, что онъ живъ до сихъ поръ, но гдѣ носятъ его быстрыя ноги, никто не знаетъ. Нѣкоторымъ пастухамъ все же удавалось видѣть его, когда, въ глухую полночь, онъ внезапно появляется около табуна и внезапно исчезаетъ.

М е с т ь .

Это было очень давно, въ то далекое время, когда кабардинцы не знали другого оружія, какъ только лукъ и стрѣлы, кинжалъ и шашка, копье и топоръ на длинной рукояткѣ,

Тогда жилъ въ Кабардѣ князь Адильгирей Атажукинъ, который былъ отважнымъ джигитомъ и слову своему всегда вѣренъ былъ.

Всенародно сказалъ онъ, что если поѣдетъ въ набѣгъ, всегда будетъ одинъ: если смерть постигнетъ его, то постигнетъ его одного.

И не бралъ князь съ собой товарищей, отправляясь въ набѣгъ.

Разъ лѣтомъ, когда была темная ночь, князь Адильгирей поѣхалъ одинъ изъ своего двора на большую дорогу, надѣясь встрѣтить тамъ кого нибудь, вступить въ бой съ нимъ.

Долго онъ ѣхалъ по дорогѣ, никого не встрѣчая, и молчала дорога, молчала степь, и ночь молчала.

Потомъ услышалъ онъ,—позади него по дорогѣ ѣхалъ кто-то, слышно было, какъ лошадь стучала копытами.

Адильгирей остановилъ лошадь, лукъ и стрѣлу приготовилъ, сталъ поджидать того, кто позади него ѣхалъ.

Вотъ этотъ неизвѣстный, верхомъ на лошади, подѣхалъ къ Адильгирею, проѣхалъ мимо и на него не посмотрѣлъ.

И удивился Адильгирей, и сказалъ самъ себѣ:

— Что за всадникъ? Проѣхалъ мимо, ничего не сказалъ, на меня не посмотрѣлъ какъ будто не видѣлъ, что я стою на дорогѣ?

И натянулъ онъ лукъ и стрѣлу хотѣлъ пустить въ спину всадника, но не сдѣлалъ этого.

— Не стану убивать его, а догоню, задержу, и узнаю, кто онъ такой, куда и зачѣмъ ѣдетъ одинъ по дорогѣ темной ночью,—сказалъ Адильгирей, поскакалъ за всадникомъ, хотѣлъ схватить его за правое плечо, но тотъ ловко увернулся и поѣхалъ дальше.

И заскакалъ Адильгирей напередъ, путь всаднику преградилъ,

И остановился всадникъ.

— Кто ты! Куда и зачѣмъ ѣдешь? спросилъ его Адильгирей.

И всадникъ сказалъ ему:

— Если хочешь быть товарищемъ моимъ въ эту ночь, стань по правую сторону меня, поѣдемъ вмѣстѣ и ни о чемъ, что бы ты ни увидѣлъ, что бы ни услышалъ не спрашивай меня.

И подумалъ Адильгирей:

— Хорошо, я поѣду съ тобой и разспрашивать не стану, но все же узнаю, кто-ты такой.

И сталъ съ правой стороны всадника, поѣхалъ съ нимъ.

Долго ѣхали они и молчали, и молчала дорога, молчала степь, и ночь молчала.

И вотъ послышался въ сторонѣ отъ дороги лай собакъ и потянуло съ той стороны дымомъ, и Адильгирей подумалъ, что тамъ былъ ауль.

Незнакомецъ свернулъ съ дороги, поѣхалъ въ эту сторону, и Адильгирей поѣхалъ съ нимъ.

Около высокаго кургана остановился незнакомецъ, спрыгнулъ съ лошади, передалъ поводья Адильгирею.

— Держи,—сказалъ онъ ему, а самъ пошелъ туда, гдѣ лаяли собаки.

Прошло нѣкоторое время, и вдругъ Адильгирей услышалъ: изрѣдка лаявшіе собаки гром-

ко завыли, и послышался шумъ человѣческихъ голосовъ.

И скоро къ Адильгирею подошелъ его спутникъ: въ одной рукѣ онъ держалъ за бороду только что отрубленную человѣчью голову, а въ другой—кожанную походную чашку, до краевъ наполненную кровью.

И выпилъ онъ всю эту кровь, сказалъ:

— Благодарю Бога, что удалось мнѣ напиться крови, и на душѣ у меня стало легче.

Потомъ привязалъ отрубленную голову за бороду къ сѣдлу, сѣлъ на лошадь, сказалъ Адильгирею:

— Ёдемъ...

И выѣхали они на дорогу, продолжали путь...

Адильгирей очень удивился всему видѣнному и молчалъ, не спрашивая спутника.

И опять въ сторонѣ послышался лай собакъ, и опять спутникъ свернулъ съ дороги, остановился около кургана и сдѣлалъ то же самое, что и раньше: ушелъ въ ту сторону, гдѣ лаяли собаки, потомъ вернулся оттуда съ отрубленной человѣческой головой и чашкой крови; кровь выпилъ и благодарилъ Бога, что ему во второй разъ удалось напиться крови, отчего у него на душѣ стало еще легче преж-

няго,—и отрубленную голову привязалъ къ сѣдлу.

И въ третій разъ спутникъ Адильгирея сдѣлалъ то же самое.

И, привязавъ къ сѣдлу третью отрубленную голову, онъ сказалъ Адильгирею:

— Поѣдемъ обратно.

И ѣхалъ Адильгирей по правую сторону своего спутника, молчалъ и молчалъ спутникъ его.

И доѣхали въ молчаніи они до мѣста, гдѣ, въ сторонѣ отъ дороги, камыши росли высокіе и густые.

Спутникъ остановилъ лошадь, спрыгнулъ съ нея, сказалъ Адильгирею:

— Благодарю тебя, что ты въ эту ночь былъ моимъ товарищемъ, что ты не спрашивалъ меня о томъ, что видѣлъ, что слышалъ. Вотъ возьми мою лошадь, поѣзжай въ Когрокой.*) Тамъ живетъ княгиня-вдова; передай ты ей эту лошадь и три головы. Скажи княгинѣ, что я отрубилъ эти головы и нипился крови тѣхъ, кто носилъ ихъ на своихъ плечахъ. Я вѣрю, что ты исполнишь мою просьбу. Поѣзжай, и храни тебя Богъ.

Адильгирей сталъ упрашивать спутника, чтобы тотъ сказалъ свое имя.

*) Когрокой—ауль въ кубанской области.

— Княгиня скажетъ,—отвѣтилъ спутникъ, пошелъ въ камыши и исчезъ въ нихъ.

Адильгирей поѣхалъ было по дорогѣ, ведя за собой въ поводу лошадь, но потомъ сказалъ самъ себѣ:

Что же это такое: я, давшій себѣ слово обходиться въ минуту опасностей безъ товарищей, ѣду къ какой то княгинѣ, не узнавши имени своего спутника, не узнавши, зачѣмъ онъ отрубилъ три человѣчьи головы и выпилъ три чашки крови.

И рѣшилъ онъ вернуться къ камышамъ, разыскать своего спутника, распросить его.

И онъ вернулся. Нашелъ въ камышахъ, тропинку, осторожно поѣхалъ по ней.

И тропинка привела его на небольшое возвышенное мѣсто,—и увидѣлъ онъ небольшую саклю на этомъ мѣстѣ...

Подѣхалъ къ саклѣ, слѣзъ съ лошади, крикнулъ:

— Гость...

Никто не вышелъ изъ сакли, никто не откликнулся.

Тогда еще громче онъ крикнулъ:

— Эй, кто тамъ?

И опять никто не отвѣтилъ ему.

И въ третій разъ крикнулъ онъ, и тихо было въ саклѣ, какъ въ могилѣ.

И досталъ онъ изъ кармана запасную восковую свѣчу, высѣкъ огонь, зажегъ ее,—вошелъ въ саклю.

И увидѣлъ; въ саклѣ, на деревянной кровати, лежалъ смрадный, разложившійся трупъ мужчины, а на немъ—трупъ молодой красивой женщины, и изъ спины ея торчалъ конецъ кинжала, текла кровь и смачивала лежавшій внизу трупъ.

И видѣлъ Адильгирей: женщина сама убила себя—ложась на трупъ мужчины, приставила къ своей груди конецъ кинжала и навалилась на него, и кинжалъ прошелъ черезъ всю ея грудь и вышелъ въ спинѣ.

И думалъ Адильгирей: зачѣмъ такъ сдѣлала съ собой молодая и красивая женщина?

Кто она и кто ей тотъ, чей трупъ издастъ теперь зловоніе и черви копошатся въ немъ?

Кто могъ сказать это? Кромѣ Адильгирея, живого въ саклѣ никого не было, а мертвые молчатъ постоянно.

И выкопалъ кинжаломъ Адильгирей около сакли яму, снесъ въ нее два трупа, засыпалъ землей.

Потомъ сѣлъ на лошадь и, ведя въ поводу другую, поѣхалъ въ Когрокой.

На разсвѣтъ онъ туда пріѣхалъ и встрѣ-

тившійся человекъ указаль ему дворъ княгини—вдовы.

Подѣхавъ къ нему, Адильгирей крикнулъ.

— Гость...

И человекъ, который вышелъ изъ сакли, посмотрѣлъ на Адильгирея, на человекъи головы, висѣвшія у сѣдла задней лошади, побѣжалъ обратно въ саклю.

И вотъ княгиня съ крикомъ радости выбѣжала изъ сакли, просила Адильгирея слѣзть съ коня, въ саклю войти.

И вошелъ Адильгирей въ саклю, и княгиня угощала его лучшей пищей, угощала лучшей бузой.

И утоливъ голодь, Адильгирей разказаль княгинѣ все то, что видѣлъ и слышалъ въ прошедшую ночь, и просилъ княгиню объяснить ему все видѣнное, все слышанное имъ въ эту прошлую ночь.

И княгиня разказала ему:

Года еще не прошло съ того времени, какъ ея сынъ, единственный сынъ, молодой князь, взялъ въ жены молодую любимую дѣвушку.

И послѣ свадьбы скоро случилась молодому князю нужда поѣхать изъ Когрокоя, въ другой аулъ, и онъ поѣхаль одинъ, не взявъ съ собой своихъ слугъ.

И долго не было вѣстей о немъ.

Потомъ, однажды, конь князя прибѣжалъ одинъ и безъ сѣдла и безъ уздечки съ богатымъ наборомъ.

И тогда княгиня—мать и княгиня—жена поняли, что съ княземъ большое несчастье случилось.

Случилось, что враги въ дорогъ напали на князя и убили, ограбили его самого и коня его ограбили.

Но конь вырвался изъ рукъ убійць, прибѣжалъ домой.

Такъ думала княгиня—мать, такъ думала княгиня жена,—такъ думали слуги—рабы княжескіе.

И княгиня—жена, плача и тоскуя, дала клятву найти трупъ любимаго мужа, найти убійць его и отомстить имъ.

И одѣлась она въ мужскую одежду, сѣла на коня и поѣхала трупъ мужа искать.

И долго ѣздила и боялась, что не найдетъ трупа любимаго мужа, потому что звѣри за это время могли растерзать его, птицы хищныя могли исклевать.

И тосковала княгиня.

И однажды нашла: лежалъ трупъ князя въ камышахъ, обезображенный ранами, и пти-

цы хищныя, почуявъ запахъ мертвечины, кружились надъ нимъ.

И взяла его княгиня, отнесла на возвышенное мѣсто въ камышахъ, сама кровать сдѣлала для него, сама саклю заплела вокругъ кровати и саклю покрыла камышемъ.

И три дня, три ночи на колѣняхъ стояла она передъ мертвымъ тѣломъ, рыдала и, тоскуя, говорила:

— Мой милый, возлюбленный мой, скажи—кто убійцы твои?

И мертвое тѣло молчало, и смрадъ исходилъ изъ него.

И вернулась она домой, сказала княгинѣ—матери:

— Вотъ нашла я трупъ любимаго мужа, но не нашла убійць его... Я иду искать ихъ.

И одѣлась она въ грязную одежду раба, палку въ руки взяла, пошла.

Ходила по ауламъ, и народъ, смотря на нее, говорилъ:

— Это—бѣдный молодой человекъ.

И давалъ народъ княгинѣ хлѣба, мяса.

И ходя изъ аула въ аулъ, прислушиваясь къ разговорамъ, присматриваясь ко всему, что приходилось видѣть, княгиня узнала, кто былъ убійца ея мужа: она узнала ихъ

по дорогому набору уздечки, которую они сняли съ его коня.

Три родныхъ брата были убійцы—съ длинными бородами, и каждый изъ нихъ жилъ отдѣльно въ своемъ аулѣ...

И вернулась княгиня домой, сказала матери—княгинѣ:

— Узнала я кто—убійцы мужа... Я уѣзжаю, и если—не дай Богъ этому случиться—вернусь обратно и не привезу съ собой ихъ трехъ отрубленныхъ мною головъ, прокляни меня самымъ страшнымъ проклятьемъ, поступи со мной, какъ съ собакой бѣшенной.

И надѣла она на себя одежду мужа, взяла оружіе его, уѣхала на его конѣ...

И отомстила она убійцамъ, напилась крови ихъ и себя потомъ убила: къ чему ей было жить, когда ея любимый человѣкъ сталъ прахомъ?

Кончила княгиня рассказывать Адильгирею, приказала слугамъ привезти во дворъ три арбы дровъ, сложить ихъ вмѣстѣ и зажечь костеръ.

И на этотъ костеръ положила три отрубленныхъ головы и смотрѣла, какъ горѣли они, и радовалась, что онѣ были головами убійць ея сына.

И когда костеръ потухъ, осторожно сня-

ла она съ него кости, оставшіяся отъ трехъ головъ и превратившіяся въ уголь, и въ деревянной ступѣ толкла ихъ, толкла и просѣвала сквозь частое сито.

И стали кости мелкими, какъ мука, мягкими, какъ пыль.

И наполнила княгиня этой мукой, большую чашку, вышла съ ней въ степь.

И былъ вѣтеръ сильный въ степи...

И брала княгиня горстями изъ чашки пыль и бросала въ разныя стороны.

И вѣтеръ уносилъ ее далеко-далеко.

Какъ далеко—кто знаетъ, кромѣ вѣтра?

М а ш у к о .

На томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время расположена станица Горячеводская, вдоль берега Подкумка, тянулся большой кабардинскій ауль.

Среди жителей аула богатствомъ своимъ особенно отличался уздень Иналь Унароковъ: много было у него крупнаго и мелкаго рогатаго скота, лошадей луговъ и лѣсовъ.

Не молодъ уже былъ Унароковъ и болѣнь: желудокъ его не переваривалъ твердой пищи и питался онъ только козьимъ молокомъ.

Была въ стадѣ коза-любимица Унарокова —высокая, съ бѣлой шелковистой шерстью и острыми рогами.

Ея молокомъ главнымъ образомъ и питался Унароковъ.

Однажды пригналъ вечеромъ пастухъ козъ со степи; стали доить ихъ, и любимица

Унарокова мало дала молока, очень мало.

Быль недоволенъ Унароковъ, но промолчалъ.

На другой день повторилось тоже самое, и опять Унароковъ промолчалъ, когда же и на третій день повторилось тоже, онъ призвалъ къ себѣ пастуха и спросилъ:

— Отчего коза даетъ молока такъ мало?

— Кто то высасываетъ молоко? отвѣтилъ пастухъ.

Посмотрѣлъ Унароковъ на пастуха сказалъ.

— Ты меня знаешь?

— Знаю,—отвѣтилъ пастухъ.

— Умѣю я шутить?

Нѣтъ, не умѣешь.

— Помни же это!

И больше ничего не сказалъ. Но пастуху было достаточно и этого: онъ зналъ, что, если коза опять придетъ безъ молока, то Унароковъ не задумается застрѣлить его.

И на другой день сталъ пастухъ слѣдить за козой.

Въ жаркій полдень, когда стадо подошло къ лѣсу, въ холодокъ, онъ увидѣлъ, что любимца Унарокова отдѣлилась отъ стада, пошла въ лѣсную чащу.

Осторожно послѣдовалъ онъ за ней. И увидѣлъ онъ: на полянкѣ, подъ кустомъ бо-

ярышника, лежитъ новорожденный мальчикъ. Подошла къ нему коза и стала надъ нимъ такъ, что вымя ея приходилось какъ разъ противъ рта младенца; потомъ опустилась на переднія ноги. Младенецъ поймалъ ртомъ сосецъ и сталъ сосать. Когда же онъ выпустилъ изо рта сосецъ, коза прыгнула въ кусты, и затѣмъ присоединилась къ стаду.

Подошелъ пастухъ къ мальчику, взялъ его на руки, а вечеромъ принесъ къ Унарокову и рассказалъ о всемъ видѣнномъ.

Радъ былъ мальчику Унароковъ.

— Богъ мнѣ послалъ его, — сказалъ онъ.

Нѣтъ у меня сыновей, такъ пусть этотъ мальчикъ будетъ моимъ сыномъ.

И далъ онъ имя мальчику Машуко.

Среди своихъ холоповъ (крѣпостныхъ крестьянокъ) выбралъ Унароковъ здоровую и красивую кормилицу для Машуко.

И росъ Машуко, окруженный заботами.

Къ восьми годамъ красивый и статный мальчикъ выросъ изъ него.

Приказалъ Унароковъ опытному наѣзднику учить мальчика ѣздѣ на лошади, а опытному стрѣлку — стрѣлять изъ лука, владѣть кинжаломъ и саблей.

И продолжалось это ученіе до тѣхъ поръ,

пока не сравнялось Машуко пятнадцатилѣтъ.

Ловкимъ и безстрашнымъ наѣздникомъ и мѣткимъ стрѣлкомъ онъ сталъ.

Посмотрѣлъ на его ѣзду на лошади Унароковъ, посмотрѣлъ на его стрѣльбу изъ лука и остался очень доволенъ.

— Ты—джигитъ, Машуко!—сказалъ онъ.

Проси у меня, что хочешь, все дамъ тебѣ...

— Отецъ,—сказалъ Машуко,—позволь мнѣ жить въ той саклѣ, которую я выстрою своими руками.

— А развѣ ты не хочешь жить подъ одной кровлей со мной?—спросилъ Унароковъ.

— Нѣтъ, отецъ, не могу,—отвѣчалъ Машуко.

— Почему не можешь?

— Не спрашивай, отецъ...

— Не спрашивай его объ этомъ,—сказалъ старикъ-мулла.—Такъ должно быть, какъ онъ хочетъ.

— Почему?—спросилъ Унароковъ.

— А ты знаешь, кто его отецъ, кто его мать?—вмѣсто отвѣта спросилъ его мулла.

Задумался Унароковъ.

— Дѣлай, какъ ты хочешь,—сказалъ онъ потомъ Машуко.

И Машуко одинъ, безъ чьей бы то ни было помощи, сложилъ изъ камней небольшую саклю, въ которой и поселился одинъ.

Всѣ дни онъ проводилъ на охотѣ.

Какъ только начиналось утро, бралъ онъ лукъ, колчанъ со стрѣлами, уходилъ одинъ въ лѣсъ, который росъ на горѣ, по лѣвую сторону Подкумка. Вечеромъ, возвращаясь домой, приносилъ онъ съ собой убитыхъ имъ зайцевъ, лисицъ.

Не было у него товарищей и не искалъ онъ сближенія съ кѣмъ либо. Дома его видѣли только поздно вечеромъ, когда онъ возвращался съ охоты, и рано утромъ, когда онъ собирался идти въ лѣсъ, на гору.

Былъ недоволенъ Унароковъ такую жизнью Машуко.

Разъ онъ спросилъ его:

— Отчего ты такой молчаливый и все сторонисься людей?

— Не спрашивай, отецъ, — отвѣчалъ Машуко.

Разсердился было Унароковъ, но вспомнилъ слова муллы, махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ тебѣ нравится, — сказалъ онъ.

Наступилъ шестнадцатый годъ въ жизни Машуко.

И замѣчать сталъ Унароковъ—блѣднѣеть и худѣеть Машуко и съ охоты приходитъ съ пустыми руками.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ его.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Машуко,—я здоровъ.

— Но отчего ты блѣденъ? Отчего худѣешь съ каждымъ днемъ?

— Не спрашивай, отецъ,—сказалъ Машуко.

Глубоко задумался Унароковъ.

Что же это такое? Какую тайну хранить Машуко...

И вотъ однажды призвалъ къ себѣ Унароковъ своего вѣрнаго слугу, старика Асламбека, сказалъ ему:

— Слушай. Когда Машуко пойдетъ въ лѣсъ на гору, ты послѣди за нимъ и что увидишь, скажешь мнѣ. Только двое, я да ты, должны знать объ этомъ.

Асламбекъ покорно наклонилъ голову и, пятясь задомъ къ двери, вышелъ изъ сакли.

Утромъ, когда Машуко съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ отправился на охоту, Асламбекъ тайкомъ, крадучись, послѣдовалъ за нимъ.

Пришелъ Машуко въ лѣсъ, началъ углубляться въ чащу его.

Слѣдомъ за нимъ осторожно пробирался Асламбекъ.

Выбѣгали изъ кустовъ козы, лани, лисицы выбѣгали, а Машуко не обращалъ на нихъ вниманія, поднимался все выше, выше въ гору.

Пришелъ онъ на полянку, всю покрытую красивыми и душистыми цвѣтами. Остановился на этой полянкѣ, положилъ на траву лукъ и стрѣлы, самъ опустился на колѣни.

Взошло солнце.

Вдругъ вдали на утесѣ появилось розовое облачко.

Машуко радостно вскрикнулъ, протянулъ руки по направленію этого облачка.

И отдѣлилось облачко отъ утеса и сверкая пурпуромъ поплыло.

Остановилось надъ полянкой, розовымъ туманомъ опустилось на нее.

Разсѣялся туманъ, и Асламбекъ, притаившись въ кустахъ, увидѣлъ необычайной красоты женщину, одѣтую въ легкую, прозрачную одежду, сквозь которую просвѣчивало молодое и бѣлое, какъ первый снѣгъ тѣло.

Она стояла передъ Машуко, не касаясь земли своими маленькими ножками, Машуко застылъ въ восхищеніи, не спуская съ нея глазъ.

— Аллахъ!—тихо-тихо прошепталь изумленный Асламбекъ, и его старое сердце наполнилось неизъяснимымъ восторгомъ.

И ему хотѣлось и такъ страстно прикоснуться губами къ краю одежды этой женщины.

— Аллахъ! прошепталь онъ громче.

И вдругъ увидѣль, что женщины уже нѣтъ: розовый туманъ заходилъ волнами по полянкѣ, поднялся вверхъ, сгустился въ розовое облачко.

И поплыло облачко по голубому небу и скрылось гдѣ то за горой.

Машуко, какъ окаменѣлый, продолжалъ стоять на колѣняхъ.

Асламбекъ, крадучись, выбрался изъ кустовъ, поспѣшилъ въ ауль и рассказалъ о видѣнномъ Унарокову.

— Правду ты говоришь? спросилъ его Унароковъ.

— А когда я тебѣ говорилъ неправду? вмѣсто отвѣта спросилъ Асламбекъ.

— Да, вѣрно,—сказаль Унароковъ,—ты всегда говорилъ мнѣ одну правду и я вѣрю тому, что ты рассказаль. Но кто эта женщина?

Асламбекъ подумаль-подумаль.

— Не знаю, кто она,—сказаль онъ. Но

отъ стариковъ я слышалъ о лѣсныхъ джинахъ*).

— И я слышалъ о нихъ,—сказалъ Унароковъ. Слышалъ, что они любятъ мучить людей, что ни одинъ человекъ не можетъ противостоятъ ихъ чарамъ... А эта женщина замучаетъ Машуко, она жизнь выпьетъ изъ него...

— Выпить,—сказалъ Асламбекъ. Я, старикъ, но если бы она сказала бы мнѣ: бросься со скалы внизъ головой и я бросился бы...

Какъ же быть? спросилъ Унароковъ. Вѣдь пропадетъ Машуко. Слышалъ я, что джिनженщины могутъ довести человека до безумія...

— Аллахъ, какое горе! вздохнулъ Асламбекъ.

Какъ помочь тому горю?

— Не знаю,—отвѣтилъ Асламбекъ. Но могу спросить у того, кто знаетъ это... Есть въ нашемъ аулѣ одна старая женщина, нехорошая женщина: шайтанъ ея братъ. Она все знаетъ, все можетъ. Любитъ она золото и за него все сдѣлаетъ.

— Вотъ возьми,—сказалъ Унароковъ, подавая Асламбеку кисеть съ золотомъ.

Позднимъ вечеромъ Асламбекъ прокрался

*) Джинь—духъ.

на край аула, къ старой саклѣ, одиноко стоявшей надъ обрывомъ Подкумка.

Подошолъ къ двору и только раскрылъ ротъ, чтобы крикнуть „гость“, какъ увидѣлъ: стоитъ передъ нимъ старуха, усмѣхается, и глаза у нея блестятъ, какъ два уголька.

— Не кричи,—сказала она ему,—знаю, что ты пришелъ ко мнѣ.—Пойдемъ въ саклю. Вошли въ саклю.

Старуха вздула огонь въ очагѣ, подложила въ него дровъ.

— Вотъ тебѣ подарокъ.—сказалъ Асламбекъ, подавая старухѣ кисеть съ золотомъ.

Высыпала старуха на лодонь золото, и за сверкали, загорѣлись у нея глаза.

Потомъ, спрятавъ золото, сказала:

— Ну, говори, зачѣмъ пришелъ?

Асламбекъ сказалъ.

Выслушала его старуха.

— Знаю я эту женщину,—сказала она.

Это—лѣсной джинъ. Люди видятъ ее рѣдко, потому что она является только къ тѣмъ, кто чистъ душою, и сила ея надъ человѣкомъ велика: разъ человѣкъ увидитъ ее, ради нея онъ забудетъ отца, мать, самого себя забудетъ.

— Это—правда,—сказалъ Асламбекъ.—Я

увидѣлъ ее и почувствовалъ, какъ бы снова весна моей жизни начиналась.

— Вотъ видишь. А ты ужъ старъ, и землей отъ тебя пахнетъ. Машуко же еще дитя, и его сердце впервые узнало любовь къ женщинѣ.

— Но какъ можно любить духъ?

— О!-воскликнула старуха.—Если бы всѣ люди могли его любить, то въ душѣ у нихъ весна до самой старости была бы...

— Вотъ Машуко полюбилъ... Но эта любовь, кромѣ горя ничего не принесетъ ему сказалъ Асламбекъ.

— Да, это вѣрно, не принесетъ, согласилась.

— Какъ же избавить его отъ такой женщины?

— Какъ избавить, не знаю... Ни какъ не избавите: она постоянно будетъ съ нимъ... Никакія женщины въ мірѣ не замѣнятъ ему эту женщину...

— Что же дѣлать?

Задумался Асламбекъ, задумалась старуха.

— Вотъ что,—сказала старуха.—Попробуйте взять грязнаго, зловоннаго навоза и бросить въ женщину, когда явится къ Машуко. Но и тотъ, кто будетъ бросать, долженъ вымазаться въ навозѣ... Посмотримъ,

что изъ этого выйдетъ... Но все же заранѣе говорю, что Машуко никогда—никогда не забудетъ ее.

Пришелъ Асламбекъ къ Унарокову, разска- залъ ему о своемъ свиданіи съ старухой.

— Сдѣлай такъ, какъ говорила тебѣ ста- руха,—сказалъ Унароковъ.

На утро Асламбекъ вымазался въ навозъ, взялъ его съ собой и въ отдаленіи пошелъ слѣдомъ за Машуко, когда тотъ направился въ гору.

Какъ и раньше, Машуко пришелъ на по- лянку, сталъ на колѣни, не спуская глазъ съ розового облачка.

Отдѣлилось облачко отъ утеса, приплыло къ полянкѣ, разсѣялось туманомъ, и опять стояла въ воздухѣ та чудная женщина.

Но сердце Асламбека уже не переполни- лось восторгомъ, какъ раньше, злоба въ немъ закипѣла противъ этой женщины.

Выскочилъ онъ изъ кустовъ, закричалъ злобно, бросилъ навозомъ въ чудную жен- щину.

Какъ раненая птица, метнулась чудная женщина, застонала отъ боли... Полянку оку- талъ крававый туманъ, поднялся вверхъ об- лакомъ и быстро-быстро понесся туда, гдѣ

вѣчно блестить Ошхо-Махо (Эльборусь) и тамъ зацѣпился за высокій утесъ...

Въ отчаяннѣи упалъ на землю лицомъ внизъ Машуко, зарыдалъ...

Потомъ поднялся и пошелъ, роняя слезы.

И тамъ, гдѣ капали его слезы, начинали бить ключи горячей воды...

Пришелъ Асламбекъ домой, рассказалъ Унарокову, что произошло.

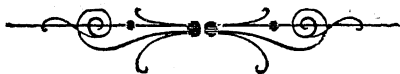
Собралъ Унароковъ много народа, послалъ искать Машуко.

Три дня искалъ народъ Машуко и не могъ найти его.

— Пропалъ Машуко,—говорилъ онъ...

Но пастухи, пасшіе скотъ на горѣ, потомъ видѣли одиноко бродящаго человѣка по лѣсу. Видѣли его одиноко стоявшимъ на полянкѣ. То былъ Машуко...

И съ тѣхъ поръ народъ назвалъ эту гору горой Машуко.

Сверженіе ига.

Междуусобицы кабардинскихъ владѣтельныхъ князей, длившіяся очень долгое время, довели народъ до такого состоянія, что онъ былъ уже не въ силахъ отразить нашествіе полчищъ крымскаго хана Баталь-паши, который разорилъ много ауловъ, а народъ обложилъ большою данью. За этой данью прїѣзжали изъ Крыма въ Кабарду каждый годъ, осенью, многочисленные сборщики. И брали сборщики все, что видѣли ихъ глаза: рогатый скоть, красивыхъ женщинъ. Съ народомъ кабардинскимъ они обращались безчеловѣчно: отнимая у мужей женъ, у отцовъ дочерей, а стариковъ всячески оскорбляли, а порой и убивали.

И долго терпѣлъ народъ иго крымскаго хана, наконецъ терпѣть дольше стало не подъ силу, и тогда рѣшилъ онъ выбрать почетныхъ народныхъ представителей и послать ихъ къ

хану съ просьбой ограничить дикій произволь сборщиковъ дани. Выборъ народа палъ на князя Атажукина, извѣстнаго стойкостью своего характера и умомъ, а въ спутники ему были избраны два почетныхъ узденя.

Весною послы съ богатыми подарками явились въ Крымъ, поднесли хану подарки и просили допустить ихъ предстать передъ нимъ.

Принялъ ханъ подарки, повелѣлъ ввести къ себѣ во дворецъ только князя Атажукина.

Ханъ сидѣлъ на дорогихъ подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги, курилъ трубку изъ длиннаго чубука.

Представъ передъ нимъ, князь Атажукинъ взялъ шапку свою подъ мышки, опустился на колѣни передъ ханомъ и началъ говорить о томъ, какъ сборщики дани разоряютъ кабардинскій народъ, издѣваются надъ нимъ.

— Могущественный повелитель, — говорилъ князь Атажукинъ, — кабардинскій народъ проситъ твоей милости: укроти произволь сборщиковъ дани, прикажи имъ не обижать нашихъ женъ, дочерей и стариковъ.

Ханъ все время молчалъ, только пускалъ клубы табачнаго дыма, а когда князь Атажукинъ кончилъ говорить, онъ спросилъ его:

— Кабардинскій народъ просить моей милости?

— Твоей милости, могущественный повелитель,—сказалъ князь.

— Вотъ возьми ее! проговорилъ ханъ и высыпалъ изъ своей большой трубки огонь на бритую голову князя.

Кожа на головѣ князя загорѣлась, лопнула, но князь, несмотря на сильную боль, попрежнему покорно стоялъ передъ ханомъ, ничѣмъ не показывая ему, какое мученіе испытываетъ онъ.

Когда потухъ огонь на его головѣ, ханъ сказалъ ему:

— Ступай и скажи народу кабардинскому, какую милость ему далъ я!

Князь всталъ, поклонился хану и, не повертываясь къ нему спиной, вышелъ.

Своимъ спутникамъ князь не сказалъ о томъ, какъ принялъ его ханъ.

— Все обошлось хорошо,—сказалъ онъ.

Возвратился князь въ Кабарду, собрался народъ выслушать его.

— Ханъ прислалъ народу милость, но о ней народъ узнаетъ только осенью,—сказалъ князь, умалчивая о томъ, какъ ханъ жегъ огнемъ ему голову.

— Знаемъ мы эту милость,—отвѣчалъ не-

довольно народъ,— его милость совсѣмъ разорила насъ.

Еще больше разорить, если вы будете оставаться безропотными рабами,—сказаль князь.

Въ глубокомъ молчаніи разошелся народъ.

Наступила осень. Скоро должны были прибыть въ Кабарду сборщики дани.

Князь Атажукинъ собралъ народъ.

— Выслушай меня, кабардинскій народъ! сказалъ онъ.

— Говори, отвѣтили старики.

— Скоро пріѣдутъ къ намъ ханскія собаки,—сказаль князь,—и по прежнему будутъ они грабить наше имущество, безчестить нашихъ женъ, дочерей, а мы будемъ молча смотрѣть на ихъ подлая дѣла. Жена будетъ плакать, просить мужа: „Защити меня отъ насильника“. А что въ отвѣтъ скажетъ ей мужъ? Онъ ничего не скажетъ ей, потому что боится ханскихъ собакъ...

— Мы знаемъ, о чемъ ты говоришь,—сказали старики.— Но время наше еще не подошло: мы еще слабы, а у хана войска много...

— Нѣтъ, сказалъ князь,—мы не слабы, а боимся...

— Не дѣло ты говоришь, князь,—сказа-

ли опять старики,—Если мы теперь возстанемъ противъ хана, то онъ опять явится къ намъ съ большимъ войскомъ, выжжетъ всѣ наши аулы, а насъ обратитъ въ рабовъ... Надо подождать, пусть народъ окрѣпнетъ...

Ничего на это не сказавъ старикамъ князь и ушелъ изъ собранія.

Съ нимъ вмѣстѣ ушли сто молодыхъ кабардинцевъ.

— Князь имъ сказалъ:

— Хотите умереть за кабардинскій народъ?

— Хотимъ,—отвѣтили они.

— Тогда слушайте. Скоро пріѣдутъ къ намъ ханскія сабаки. Надо радушноѣе принять ихъ, не жалѣя для нихъ ни крѣпкой бузы, ни жирной баранины. А ночью, когда они лягутъ спать, надо перебить ихъ, оставивъ только двухъ-трехъ, чтобы они могли вернуться къ хану и рассказать ему о происшедшемъ. Ханъ явится въ Кабарду съ своимъ войскомъ и тогда нашему народу по неволѣ придется взяться за оружіе. Побѣдитъ народъ хана—будетъ наслаждаться побѣдой, а не побѣдитъ, пусть умретъ: лучше смерть, чѣмъ рабство!

— Мы готовы умереть! отвѣтили кабардинцы.

Спустя три дня пріѣхали въ Кабарду хан-

скіе сборщики дани, и только въ немногихъ аулахъ они были убиты ночью во время сна, а въ остальныхъ аулахъ народъ такъ обозлился на нихъ, что сразу набросился на нихъ, поубиваль всѣхъ, за исключеніемъ трехъ, нарочито оставленныхъ въ живыхъ.

И сказалъ князь Атажукинъ этимъ оставленнымъ въ живыхъ:

— Поѣзжайте къ своему хану—собакъ, и скажите, что терпѣнію кабардинскаго народа насталь конецъ. Когда я просиль у него милости для своего народа, ханъ жегъ мнѣ огнемъ голову, говоря: вотъ моя милость! Я молчалъ тогда. А теперь говорю ему: народъ кабардинскій требуетъ тебя, ханъ, помѣрись силой съ нимъ. Поѣзжайте и скажите хану, что услышали отъ меня.

Услыхали сборщики дани, и кабардинскій народъ понялъ, что теперь ему осталось одно: побѣдить или умереть.

Поспѣшно вооружился онъ и сталъ ждать ханскихъ полчищъ.

Весной ханъ явился въ Кабарду съ громаднымъ войскомъ и расположился въ мѣстности при впаденіи рѣки Кичъ-Малки въ рѣку Малку. Здѣсь и произошло сраженіе.

Кабардинцевъ было значительно меньше ханскаго войска, но они были воодушевлены

любовью къ родинѣ и ненавистью къ врагу и дрались отчаянно.

Ханское войско не выдержало дружнаго натиска кабардинцевъ и бросилось бѣжать. Кабардинцы преслѣдовали ихъ по хребту горнаго кряжа Ауръ-Сехтъ вплоть до горы Иналъ-Кинжалъ, гдѣ бой и прекратился. Ханское войско было почти все перебито, и хану только съ жалкими остатками удалось бѣжать въ Крымъ.

Дорого и кабардинцамъ стала эта побѣда, но она дала имъ свободу: крымскій ханъ ужь больше не являлся въ Кабарду.

Девлетъ и Ниса.

Въ горахъ, въ аулѣ Бизенги,*) стоитъ на уступѣ скалы высокая полуразрушенная башня. Камни, изъ которыхъ она сложена, мохомъ обросли изъ трещинъ, въ стѣнѣ дерево поднялось—молодой дубокъ тянется.

Должно быть, птицы занесли на башню жолудь, уронили въ трещину. Дожди напоили его, солнце согрѣло, онъ далъ ростокъ... Корень потянулся—поползъ по камнямъ, ища землю, нашель кусочекъ ея, укрѣпился

Времени много пролетѣло надъ башней, горскій народъ говоритъ—двѣсти лѣтъ, и еще вотъ что рассказываетъ этотъ народъ.

Таубій**) Девлетъ Суншевъ, владѣтель аула, жилъ въ башнѣ. Молодъ онъ былъ и богатъ, а смотрѣлъ на Божій свѣтъ угрюмыми

*) Бизенги—горско-татарское селеніе въ нальчикскомъ округѣ, терской области.

**) Таубій—горскій князь.

глазами. И въ башнѣ жилъ одиноко, какъ медвѣдь въ берлогѣ.

Иногда ходилъ онъ на охоту: съ слугой, старикомъ Каурбекомъ поднимался на скалы ближе къ снѣговымъ горамъ—туровъ тамъ искалъ. Но туры скрывались, и приходилъ Девлетъ домой съ пустыми руками. И тогда еще угрюмѣе становилось его лицо.

Холопы, подвластные Девлета, боялись его, потому что жестокъ онъ съ ними былъ.

Не такъ посмотритъ холопъ на Девлета, какъ онъ хотѣлъ бы, не такъ скажетъ ему... Во всемъ былъ холопъ виноватъ, и сердце Девлета не знало жалости къ нему.

И, тая обиды въ душѣ, холопы ненавидѣли Девлета, проклинали...

Однажды спустился Девлетъ съ горъ на плоскость, поѣхалъ въ Кабарду... Недѣлю спустя вернулся обратно домой, и узнать его нельзя было: глаза посвѣтлѣли, расправились морщины на лбу, а на губахъ заиграла улыбка, не злая усмѣшка, которая кривитъ губы, а тихая улыбка...

Бываетъ съ горами весной: снѣгъ съ нихъ сойдетъ, посвѣтлѣютъ онѣ, засмѣются яркою зеленью, синее небо надъ ними радостно засмѣется.

Тоже вотъ съ лицомъ Девлета произошло...

Но что случилось?

Каурбекъ, старая и вѣрная хозяйская собака, чуть-чуть усмѣхается: въ сѣдыхъ усахъ шевелится усмѣшка.

Кое-кому изъ холоповъ сказалъ Каурбекъ: въ одномъ аулѣ кабардинскомъ на Баксанѣ Девлетъ дѣвушку увидѣлъ, дочь узденя.

Видѣлъ ты молодую сосну, что растеть на обрывѣ утеса?

Какъ эта сосна, дочь узденя, Ниса—стройна.

А брови у нея темныя, какъ зимняя ночь въ горахъ.

Когда солнце садится вечеромъ за вершину Дыхъ-Тау, ты видѣлъ, какъ алѣютъ снѣга на горахъ?

Такія алыя щеки у Нисы.

И женой Девлета она будетъ: съ ея отцомъ Девлетъ уже переговорилъ объ этомъ.

Большой калымъ запросилъ старый узденъ: тридцать коней бѣлоногихъ, которые не устаютъ въ длинномъ пути, сто дойныхъ коровъ, десять буйволицъ, триста барановъ и пятьсотъ серебрянныхъ рублей. И Девлетъ отдастъ этотъ калымъ: что онъ для него, ежели его

жена будетъ самой красивой женщиной въ горахъ?

На плоскость въ Кабарду, погнали слуги Девлета коней, коровъ, буйволицъ, барановъ и 500 серебрянныхъ рублей повезли.

Вслѣдъ за слугами Девлетъ съ Каурбекомъ и пятьюдесятью молодыми джигитами поѣхалъ.

Недѣля прошла, и Девлетъ съ молодой женой вернулся домой.

Пропала суровость Девлета!

А въ башнѣ сидитъ красавица Ниса съ своей служанкой, старой Хамафой, которую изъ дома отца съ собой привезла.

Въ окно башни смотритъ она на горы, на лѣса внизу, въ долинѣ. И сердце сжимается отъ тоски у нея.

Не по матери, не по отцу тоскуетъ она... Что ей отецъ, что мать?

Наурузъ, молодой уздень, дороже и милѣ всѣхъ на свѣтѣ для нея.

Онъ бѣденъ, и не могъ уплатить большого калыма за Нису, и остался онъ одинъ тамъ, въ своемъ аулѣ.

Смотритъ Ниса въ окно. Что видно тамъ, въ дали?

Голые утесы, надъ которыми ползутъ туманы.

Тоскуеть Ниса, тоскуеть Хамафа; что за жизнь ихъ? Какъ въ тюрьмѣ, томятся онѣ въ высокой башнѣ.

Нахмурилось лицо Девлета, угрюмая дума легла на него.

Не любить его молодая жена, холодно принимаетъ его ласки.

Дѣвушекъ молодыхъ призвалъ Девлетъ къ Нисѣ. Пѣли онѣ, плясали, а Ниса какъ будто не видѣла дѣвушекъ, не слышала ихъ пѣсенъ.

— Ты не любишь меня? разъ ночью спросилъ Девлетъ жену.

Ничего она ему не отвѣтила, а утромъ онъ видѣлъ—глаза заплаканы были у нея.

И еще суровѣе стало лицо Девлета.

Въ лѣсъ на охоту поѣхалъ онъ какъ то, а вечеромъ вурнулся домой съ гостемъ—кабардинцемъ молодымъ. Въ лѣсу встрѣтилъ его Девлетъ. Конь кабардинца оступился, захромалъ.

— Будь моимъ гостемъ, пока конь твой поправится,—предложилъ Девлетъ кабардинцу.

Тотъ принялъ предложеніе.

Въ кунацкой помѣстился онъ, слуги ухаживали за нимъ.

Хамафа спустилась внизъ немного, верну-

дась и узнала многое, для Нисы многое; молодой кабардинецъ—узденъ Наурузъ!

Какъ забилось сердце отъ радости Нисы! Говорить Ниса Хамафъ:

— Развѣ эти толстыя стѣны помѣщаютъ мнѣ любить Науруза? Развѣ онъ удержитъ меня, когда я пойду къ нему? Качаетъ сѣдой головой Хамафа.

— Какъ ты уйдешь изъ башни? говоритъ она.—Внизу у входа въ башню Каурбекъ днемъ и ночью сидитъ, караулитъ. Ночью Девлетъ отъ тебя не отходитъ... Какъ уйдешь?. Какъ птица въ клѣткѣ, сидишь ты въ башнѣ.

Ниса обнимаетъ Хамафу, говоритъ:

— Поздней ночью, когда Девлетъ крѣпко заснетъ, длинной-длинной веревкой обвяжи мой станъ, спусти меня изъ окна башни...

Вздыхаетъ Хамафа:

— Я могу сдѣлать это, но что потомъ будетъ со мной? Девлетъ къ хвосту лошади привяжетъ меня, лошадь погонитъ, и тѣло мое будетъ терзаться о камни.

Заплакала Ниса.

— О, Хамафа, Хамафа! Ты не любишь меня!

О, что сказала Ниса!? Хамафа не любитъ ее? Та самая Хамафа, которая вынянчила ее своими руками! Нѣтъ, Хамафа докажетъ ей

свою преданность, свою любовь, пусть хоть смерть ее ожидаетъ за это!

Три дня прожилъ Наурузъ у Девлета—за эти три дня Хамафа сумѣла шепнуть ему два-три слова.

Наканунѣ отъѣзда Науруза до поздней ночи Девлетъ просидѣлъ съ нимъ, бесѣдуя. Потомъ въ башню поднялся легъ спать. Ниса легла и скоро заснула.

Крѣпко спалъ Девлетъ и вдругъ проснулся: въ окно башни свѣтъ утра заглядывалъ, а внизу, у входа башни, какъ собака, увидѣвшая волковъ, кричалъ и вылъ Каурбекъ.

Глянулъ Девлетъ—жены не было около него... Вскочилъ. онъ, закричалъ, заревѣлъ, какъ звѣрь, въ котораго сразу нѣсколько стрѣлъ вонзились.

Схватилъ со стѣны лукъ и стрѣлы, и прыгая по ступенькамъ лѣстницы, спустился внизъ.

А Каурбекъ уже стоялъ съ конемъ.

— Гдѣ? Гдѣ они? — спросилъ Девлетъ, вскакивая на коня.

— Посмотри!—показалъ ему на дорогу Каурбекъ.

По дорогѣ быстро скакалъ всадникъ, спускаясь въ ущелье.

Ударилъ коня Девлетъ, не плетью, кула-

комъ ударилъ. Понесся конь. Птица, не конь былъ у Девлета.

Нагоняетъ онъ бѣглецовъ... Совсѣмъ не далеко они отъ него.

Приостановилъ Девлетъ коня, натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу.

Зазвенѣла, полетѣла стрѣла и глубоко воткнулась въ затылокъ Науруза.

Зашатался въ сѣдлѣ Наурузъ, упалъ на землю и Ниса упала съ нимъ. Склонилась надъ трупомъ Науруза, зоветъ его.

Подскакалъ Девлетъ, спрыгнулъ съ коня и тоже склонился надъ мертвымъ тѣломъ.

— Ит-тэн-туганъ!*) съ презрѣніемъ сказалъ онъ и плюнулъ въ лицо Науруза.

И опять вскочилъ на коня, схватилъ Нису и помчался обратно домой.

Каурбекъ во дворѣ держалъ за руку Хамафу.

— Изъ окна твою жену Хамафа на веревкѣ спустила,—сказалъ онъ подскакавшему Девлету.

— Къ хвостамъ ишаковъ привяжи Хамафу за ноги и гони ишаковъ въ разныя стороны!—крикнулъ Девлетъ, слѣзая съ коня.

Страшнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ кричала Хамафа, раздираемая ишаками.

*) Ит-тэн-туганъ—рожденный собакой.

Злобно засмѣялся Девлетъ.

— Послушай, Ниса, какую веселую пѣсню поеть твоя вѣрная слуга,—сказаль онъ. Ты слышишь, Ниса, слышишь?

— Слышу!—вскрикнула Ниса и плюнула въ лицо мужа.

Лучше бы смерть для Девлета, чѣмъ плетокъ женщины. Чѣмъ онъ смоетъ его?

Выхватилъ онъ у Каурбека его длинный кинжалъ, взмахнулъ имъ разъ-другой. Не помнитъ, сколько разъ взмахиваль имъ. А когда мракъ, застилавшій глаза Девлета, прошелъ, онъ увидѣлъ, что Нисы уже не было около него: валялись на землѣ куски человѣческаго мяса, костей и дымились отъ горячей крови.

Поднялся Девлетъ въ башню, заперся въ ней.

Жабоги Казанокъвъ и его жена.

Уздень Жабоги Казанокъвъ былъ очень умнымъ человѣкомъ: владѣтель Кабарды, князь Асламбекъ, пользовался его совѣтами въ дѣлахъ управленія народомъ. А народъ называлъ Жабоги благоразумнымъ, потому что онъ умѣлъ рѣшать тяжebныя дѣла такъ, что его рѣшеніемъ обѣ тяжущіея стороны были довольны, и враждующіяся фамиліи онъ умѣлъ примирить словомъ убѣжденія.

Народъ говорилъ.

— Жабоги посмотришь на человѣка, два три слова послушаетъ его и безошибочно скажетъ, каковъ онъ человѣкъ.

А что за человѣкъ была его жена, Жабоги узналъ только на второй годъ совмѣстной жизни съ ней.

Но узналъ-ли?

Вотъ какъ это случилось.

Пріѣхалъ однажды къ нему его другъ, узденъ изъ сосѣдняго аула. Жабоги принялъ его не въ кунацкой, а въ той саклѣ, въ которой самъ жилъ съ женой.

Жена зажарила барашка. Гость и Жабоги поѣли. Жена принесла имъ воды для омовенія.

Гость прополоскалъ ротъ, вымылъ руки, утерся полотенцемъ, которое жена Жабоги держала въ рукахъ.

Тоже самое сдѣлалъ Жабоги, но возвращая женѣ полотенце, неволью швырнулъ онъ его отъ себя и концомъ его слегка зацѣпилъ ея лицо.

Расплакалась жена и ушла въ свою комнату.

Удивился Жабоги, и улучивъ удобную минуту, оставилъ гостя, пошелъ къ женѣ.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ.

Ты еще спрашиваешь? возразила жена.— Ты при гостѣ оскорбилъ меня...

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что бросилъ полотенце въ лицо.

— Повѣрь мнѣ, сказалъ Жабоги,—я и не думалъ оскорблять тебя. А если и зацѣ-

пилъ по лицу полотенцемъ, то сдѣлалъ это нечаянно.

— Нѣтъ,—отвѣтила жена.—Это сдѣлалъ ты нарочно...

— Повѣрь мнѣ, нечаянно...

— Нѣтъ, нарочно, нарочно..

Жабоги пожалъ плечами: какъ убѣдишь человѣка, если онъ не хочетъ вѣрить тебѣ?.

О происшедшемъ Жабоги разсказалъ своему другу.

— Вотъ видишь, какъ надо осторожно обращаться съ женщиной,—прибавилъ онъ.

Гость ничего на это не сказалъ.

Утромъ слѣдующаго дня гость собрался ѣхать къ себѣ въ аулъ. Случилось и для Жабоги дѣло въ этомъ аулѣ, и вмѣстѣ съ гостемъ онъ поѣхалъ, предупредивъ жену, что вернется домой черезъ три дня.

Ѣдутъ степью: Видягъ—пасется стадо коровъ.

— Это мое стадо,—сказалъ Жабоги и поднялся на стременахъ, чтобы посмотрѣть, гдѣ пастухъ.

Въ это время изъ-за кургана, стоявшаго надъ дорогой, слышалась пѣсня.

Жабоги прислушался: ему показалось, что въ пѣснѣ упоминается его имя.

— Послушаемъ,—сказалъ онъ своему спу-

тнику,—это поетъ мой холопъ, пастухъ этого стада...

Пастухъ сидѣлъ за курганомъ и, не видя Жабоги и его спутника, громко пѣлъ о томъ, что вечеромъ онъ пригонитъ стадо въ ауль, пойдетъ къ женѣ Жабоги. Она встрѣтитъ его на порогѣ сакли, скажетъ: „какъ я рада, что вижу тебя“. А онъ въ отвѣтъ на эти слова кнутомъ ударитъ ее за то, что цѣлую недѣлю ему пришлось ожидать, пока спроводитъ она мужа изъ дома. Потомъ онъ войдетъ въ саклю, жена Жабоги ноги ему обмоетъ, напоитъ, накормитъ его, и ночь онъ съ ней проведетъ.

— Слышалъ? спросилъ Жабоги своего спутника.

— Слышалъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Лжетъ пастухъ, низкій холопъ,—сказалъ Жабоги.—Лжетъ уже по одному и тому, что моя жена красавица не можетъ любить его—кривого на одинъ глазъ, рябого. При томъ же и самъ онъ недавно женился на холопкѣ... Нѣтъ, моя жена не можетъ любить такого безобразнаго человѣка, какъ пастухъ, отъ котораго воняетъ навозомъ.

— А ты свою жену хорошо знаешь? обращаясь къ Жабоги, спросилъ спутникъ.

— Гм.. промолвилъ Жабоги и задумался.

Второй годъ живу съ ней, и скажу, что она хорошая хозяйка, заботится обо мнѣ и любить меня... Пастухъ лжетъ...

— И что ты намѣренъ сдѣлать ему за лганье?

— Отрѣжу ему языкъ... А впрочемъ...

Жабоги глубоко задумался.

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову, — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, что какъ бы нагло не лгалъ пастухъ, а лучше будетъ если я прежде чѣмъ наказать его провѣрю слова его пѣсни.

— Да, это лучше будетъ, согласился другъ.

Жабоги и его другъ свернули потихонько съ дороги, поѣхали въ глубь степи, гдѣ стоялъ лѣсокъ, въ которомъ провели время до вечера. А затѣмъ вернулись въ аулъ, оставили лошадей въ укромномъ мѣстѣ и осторожно пробравшись къ саклѣ Жабоги, спрятались въ бурьянъ.

Покончивъ съ работой, холопы легли спать. Только въ саклѣ Жабоги свѣтился огонекъ.

Къ этой саклѣ направился пастухъ съ кнутомъ въ рукахъ.

Жена Жабоги вышла на порогъ сакли, говоритъ пастуху:

— Добро пожаловать!

А пастухъ въ отвѣтъ на это привѣтствіе ударилъ ее кнутомъ.

— Дочь собаки и шайтана, сказалъ онъ. — Отчего ты раньше не спровадила изъ дома своего мужа? Цѣлую недѣлю мнѣ пришлось ждать этого вечера.

И онъ опять ударилъ ее.

Она не закричала, не заплакала отъ боли, а засмѣялась.

— Ударь меня еще разъ, сказала она — люблю, когда ты бьешь меня.

Пастухъ засмѣялся.

— А когда мужъ бьетъ тебя, ты тоже смѣешься? спросилъ онъ.

— Мужъ никогда не бьетъ меня, — отвѣтила жена.

Потомъ она и пастухъ вошли въ саклю; дверь плотно закрылась за ними.

Жабоги и его другъ, какъ воры, прокрались къ саклѣ, приложились къ щелкѣ въ ставнѣ окна, начали смотрѣть. И увидѣли: сѣлъ пастухъ передъ очагомъ, протянулъ ноги, а жена Жабоги сняла съ него чевяки, обмыла его ноги. Потомъ поставила она передъ нимъ круглый столикъ о трехъ ножкахъ, на которомъ лежали куски жирной ба-

ранины, кукурузный чурекъ и стоялъ чинакъ съ бузой!

Пастухъ пилъ бузу, ѣлъ баранину, а жена Жабоги прислуживала ему.

Потомъ, когда пастухъ наѣлся, напился, она принесла ему воды для омовенія. Потомъ свѣтъ въ саклѣ погасъ

— Видѣлъ? Спросилъ Жабоги своего друга.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Что скажешь на это?

— Я? Я не знаю, что сказать. Того, что случилось, я не ожидалъ...

— Но почему случилось?

— Не знаю... Но меня больше всего удивляетъ, что жена полюбила этого кривого и грязнаго пастуха, а не молодого и красиваго человѣка.

— Объ этомъ надо спросить жену...

Жабоги помолчалъ.

— Я хочу тебя попросить сдѣлать одно дѣло,—сказалъ онъ своему другу.

— Говори, какое это дѣло...

— У пастуха жена уже не молодая и немного красивѣе своего мужа... Надо испытать ее, будетъ-ли она вѣрна ему... Тебя она не знаетъ.. Пойди къ ней въ саклю, попробуй уговорить ее измѣнить мужу ради тебя.

Вотъ возьми кошелекъ съ золотомъ. Холопы за золото продаютъ не только тѣло, но и душу.

— Хорошо, — сказалъ другъ, — посмотримъ.

Подошелъ онъ въ саклѣ пастуха. Дверь въ саклѣ была отворена, а въ очагѣ горѣлъ огонь.

Прошмыгнулъ другъ Жабоги въ саклю.

Испугалась жена пастуха, онъ поспѣшилъ успокоить ее

— Не бойся меня, — сказалъ онъ. — Я давно хотѣлъ придти къ тебѣ, когда твоего мужа нѣтъ дома и, вотъ, теперь дождался этого времени

— А что тебѣ нужно отъ меня? спросила она.

— Мнѣ нужно одного, чтобы ты полюбила меня, чтобы была моею женою въ эту ночь. Посмотри на меня, я молодъ и красивъ, а твой мужъ кривой и грязный...

— Да, это вѣрно; онъ кривой и грязный...

— И ты не любишь его?

— Нѣтъ, не люблю... Я бываю очень рада, когда онъ со стадомъ уходитъ въ степь. Но женою твоею не буду.

— Почему? Боишься измѣнить мужу? Такъ знай, что онъ тебѣ измѣняетъ: онъ сейчасъ

у жены Жабоги... Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ саклю къ ней.

— Я это давно знаю,—отвѣтила жена пастуха.

— Знаешь и не ревнуешь?

— Какъ буду ревновать, когда не люблю мужа..

— Тогда полюби меня. Скажи нравлюсь я тебѣ?

— Нравишься, очень нравишься, но полюбить тебя не могу.

Онъ вытащилъ изъ кармана кошелекъ съ золотомъ.

— Посмотри,—сказалъ онъ. Тутъ столько золота, что хватитъ тебѣ и мужу твоему откупиться у Жабоги на свободу. Твое будетъ золото, если полюбишь меня хотя бы только эту ночь...

— Не будетъ этого, хотя бы ты гору золота насыпалъ. Уходи изъ сакли, а иначе я закричу, сбѣжится народъ, и тебѣ стыдно будетъ.

-- Постой, не кричи. Скажи мнѣ, за что жена Жабоги полюбила твоего мужа?

— Она не любитъ его, совсѣмъ не любить.

— Не любитъ, а принимаетъ его! Какъ же такъ?

— Иди спроси у нея... Уходи, не то кричать буду...

Вышелъ уздень изъ сакли, подошелъ къ Жабоги, передалъ ему свой разговоръ съ женой пастуха.

— Ничего не понимаю, — развелъ руками Жабоги.

— Что же ты намѣренъ сдѣлать съ своей женой и пастухомъ? сдросиль его другъ.

— Подумаю...

— Да, подумать надо.

Пока Жабоги и его другъ стояли, обсуждали случившееся, жена пастуха осторожно, какъ кошка, пробралась къ саклѣ Жабоги, постучала въ дверь.

— Кто стучить? отозвалась жена Жабоги.

— Будь осторожна, — сказала жена пастуха, — о твоей связи съ пастухомъ знаетъ еще одинъ человекъ.

И также осторожно направилась въ свою саклю.

Постоялъ Жабоги съ своимъ другомъ, поговорилъ.

— Однако, сказалъ онъ, какъ бы тамъ ни было, а пастуха выгнать изъ салки надо. Поѣзжай домой одинъ.

Простившись съ другомъ, Жабоги подо-

шелъ къ своей саклѣ, послушалъ подѣ окномъ, послушалъ подѣ дверью. Въ саклѣ было темно и тихо.

Постучалъ разъ, другой.

— Кто стучить? спросила за дверью жена.

— Я, Жабоги Казанокъ, отвѣтилъ Жабоги.

Дверь сейчасъ же отворилась и сейчасъ въ саклѣ засвѣтился огонь.

Осмотрѣлся кругомъ Жабоги. Кромѣ его и жены, въ саклѣ нѣтъ никого.

— А гдѣ же пастухъ?—спросилъ онъ.

— Какой пастухъ?—спросила жена.—Зачѣмъ ему быть здѣсь?

А это ты лучше знаешь...

— О чемъ ты говоришь?

— Ты не лги... Я все знаю, потому что своими глазами видѣлъ, какъ ты мыла ноги пастуху, какъ угощала его, какъ потомъ погасила огонь...

— О, Жабоги!—воскликнула жена.—Вѣдь тебя одного я люблю...

— Не лги... не буду много разговаривать съ тобой... Одно только скажу: даю тебѣ три дня сроку, чтобы ты сама могла выбрать себѣ казнь. Пошла отъ меня!

Ничего не сказала жена, ушла въ свою половину.

Прошла ночь, пришелъ день.

Жабоги, какъ и раньше, былъ веселъ, наружно веселъ.

А жена печальна была.

Настала ночь.

Легъ спать Жабоги и скоро заснулъ, а среди ночи проснулся и удивился: легъ спать одинъ, а теперь около него жена, и такъ ласкала, такъ нѣжно цѣловала она его.

— Уйди, змѣя!—толкнулъ онъ ее.

Но она молчала, только ласки удвоила. И никогда-никогда ласкъ такихъ Жабоги не испытывалъ.

Страсть заговорила въ немъ.

— Я не камень,—пробормоталъ онъ,—но все таки я предамъ тебя казни.

А жена молчитъ и только цѣлуетъ его.

Вдругъ засвѣтился огонь въ саклѣ: жена Жабоги съ свѣчею въ рукѣ вышла изъ своей половины, подошла къ Жабоги.

Глянулъ Жабоги на женщину, лежащую рядомъ съ нимъ... Лежитъ жена пастуха!

А его жена свѣтитъ ему въ лицо и говоритъ укоризненно:

— Ахъ, Жабоги, Жабоги! Какъ же это можно?

Никогда Жабоги такъ весело не смѣялся, какъ въ эту ночь и въ слѣдующій день.

— Ахъ, Жабоги, Жабоги! Какъ же это можно?—говорилъ онъ самъ себѣ и смѣялся-смѣялся.

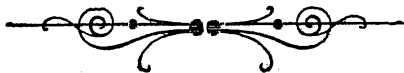
Потомъ призвалъ къ себѣ пастуха и его жену.

— Отпускаю васъ на волю,—сказалъ онъ имъ.—Даю вамъ десять паръ крупнаго рогатаго скота, десять лошадей, сто барановъ... Живите своимъ хозяйствомъ, только изъ моего аула уходите подальше...

Потомъ женѣ говоритъ:

— Скажи: кто изъ насъ правъ, кто виновать?

Жена въ отвѣтъ только засмѣялась.

И л я ч и н ь .

Крымскій ханъ Китай, разгромивъ ногайцевъ, съ большимъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Кабарды и расположился въ верстѣ отъ аула Хапажей, который стоялъ на лѣвомъ берегу рѣки Баксанъ, выше нынѣшняго селенія Наурузово. Этотъ аулъ не существуетъ уже около 200 лѣтъ, а послѣдній потомокъ владѣтелей его—князь Хапажевъ былъ убитъ однимъ изъ князей Наурузовыхъ лѣтъ 100 тому назадъ.

Аулъ былъ большой, окруженъ глубокимъ ровомъ и обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ.

Кабардинцы, не надѣясь на свои силы, не рѣшались выйти въ открытый бой съ ханскимъ войскомъ и ждали его нападенія.

А между тѣмъ ханъ по неизвѣстнымъ причинамъ медлилъ нападать и, наконецъ, при-

спалъ къ владѣтелю аула, князю Хапажеву, своихъ пословъ для переговоровъ.

Послы сказали князю:

— Нашъ ханъ не хочетъ кровопролитія ни съ нашей, ни съ вашей сторонъ, а предлагаетъ кончить дѣло единоборствомъ двухъ силачей—вашего и нашего. Побѣдитъ нашъ силачъ, кабардинцы должны будутъ признать надъ собой власть хана и платить ему такую дань, какую онъ назначитъ, а побѣдитъ вашъ силачъ, ханъ съ войскомъ уйдетъ къ себѣ въ Крымъ.

Князь Хапажевъ просилъ дать ему три дня сроку, чтобы обсудить предложеніе хана.

Получивъ на это согласіе хана, онъ созвалъ почетныхъ стариковъ для совѣта. На вопросъ князя какъ быть, старики отвѣчали, что для кабардинцевъ будетъ выгоднѣе кончить единоборствомъ, двухъ силачей.

— А есть-ли у насъ силачъ? спросилъ князь.

Ему указали на сына старика Хату Кайсына онъ молодъ, очень силенъ, лихой наѣздникъ и отважный воинъ.

Спросили старика Хату:

— Какъ ты думаешь: можетъ твой сынъ побѣдитъ ханскаго богатыря?

— Дѣло Божіе,—уклончиво отвѣчалъ Хату.— Правда, сынъ мой отважный воинъ, охотно вступить въ единоборство съ кѣмъ угодно, но говорить заранѣе о томъ, что онъ останется побѣдителемъ, я не могу—дѣло это Божіе...

Тогда остальные старики сказали:

— Хату говоритъ такъ изъ скромности, но мы увѣрены, что сынъ его выйдетъ побѣдителемъ.

Позвали Кайсына.

Я надѣюсь на себя! хвастливо отвѣтилъ онъ.

— Если надѣнешься, то черезъ два дня будь готовъ вступить въ единоборство,—сказалъ князь и отправилъ къ хану своихъ пословъ извѣстить, что предложеніе его народомъ принято и что единоборство должно состояться черезъ два дня.

И въ тотъ же вечеръ жители аула услышали въ становищѣ хана ужасный ревъ какого-то звѣря.

— Кто это реветъ? спрашивали они другъ друга.

Нѣкоторые кабардинцы подъ покровомъ ночи пробрались съ станъ хана и, возвратившись въ аулъ, рассказали, что такъ страшно реветъ не звѣрь, а ханскій богатырь, громад-

наго роста и съ безобразнымъ лицомъ ногаецъ. Онъ прикованъ цѣпью къ столбу, и кормятъ его только сырымъ мясомъ.

Слыша эти рассказы, Кайсынъ становился угрюмымъ, потому что не надѣялся онъ на свои силы, о чемъ онъ и сказалъ своему отцу.

И накануне единоборства отецъ и сынъ сидѣли въ саклѣ угрюмые и молчаливые.

Вошла въ саклю жена Кайсына, молодая и красивая женщина—Илячинъ. Взглянула на мужа, на отца, сказала:

— Отчего вы оба такіе скучные?

— Не твое дѣло!—крикнулъ въ отвѣтъ Кайсынъ.—Если мы скучны, то есть на то большая причича.

— Какая?—спросила Илячинъ.—Можетъ быть, я помогу вамъ устранить эту причину.

Засмѣялся Кайсынъ.

— Эта причина касается участи всего нашего народа. И тебѣ ли ее устранить? Твое дѣло рожать дѣтей, коровъ доить, готовить обѣдъ. Иди, занимайся своимъ дѣломъ.

Обиженная, оскорбленная Илячинъ вышла на дворъ, взяла ведро, пошла въ базъ доить коровъ.

Почти слѣдомъ за ней вышелъ изъ сакли старикъ Хату.—дѣло ему случилось на дворѣ.

Подошелъ онъ къ базу и видитъ, что одна изъ коровъ не даетъ себя доить. Разсердилась Илячинъ, схватила ее одной рукой подъ животъ и перебросила черезъ плетень. Корова упала и подняться не могла.

Илячинъ быстро перепрыгнула черезъ плетень, подняла корову и начала доить.

Покачалъ головой Хату, подумалъ и быстро вернулся въ саклю.

А Кайсынъ попрежнему сидѣлъ угрюмый.

— Боюсь я, отецъ, что не одолѣю ханска богатыря,—тихо сказалъ онъ.—Научи, какъ мнѣ быть?

— Не горюй,—отвѣчалъ Хату,—дѣло хорошо уладится. Ты, вотъ, послушай меня, Изъ дальняго аула пробрался къ намъ одинъ молодой кабардинецъ. Онъ почти мальчикъ, но очень силенъ. Онъ и будетъ бороться съ ханскимъ богатыремъ.

— А что же я буду дѣлать?—спросилъ Кайсынъ.—Меня вѣдь народъ выбралъ бороться...

— Ты слушай меня. Завтра рано утромъ приѣдетъ въ нашъ дворъ этотъ юноша. Ты ни о чемъ не спрашивай его, а поѣзжай съ нимъ въ степь, на то мѣсто, гдѣ должно произойти единоборство. Когда появится ханскій богатырь, ты скажи:

— Это что за богатырь? Я не хочу марать о него своихъ рукъ, потому что для меня надо человѣка такого же сильнаго, какъ я самъ. Пусть-ка богатырь ханскій сумѣетъ побѣдить вотъ этого молодого человѣка. И укажи на своего товарища, и больше ничего не говори...

— А если народъ заставитъ меня бороться, тогда что я долженъ дѣлать?—спросилъ Кайсынъ.

— Не заставитъ,—отвѣчалъ отецъ,—Я вѣдь тоже тамъ буду и сумѣю уладить дѣло. Кайсынъ сразу повеселѣлъ.

Вошла въ саклю Илячинъ, принесла ведро молока.

— Приготовь-ка ужинъ,—сказалъ Кайсынъ женѣ, надо къ завтрашнему дню подкрѣпить свои силы.

Молча Илячинъ начала готовить ужинъ. — Кайсынъ,—сказалъ Хату,—пойди посмотри, достаточно-ли у нашихъ коней корма.

А когда Кайсынъ вышелъ изъ сакли, старикъ вкратцѣ разсказалъ Илячинъ, отчего онъ и сынъ были такіе угрюмые.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ, только ты и поможешь нашему горю и горю всего народа: ты сумѣешь побѣдить ханскаго богатыря. Подумай объ этомъ.

— Да, отвѣчала Илячинъ, я чувствую, что есть у меня силы... Но вѣдь я женщина, и народъ не допуститъ меня...

— Надѣнь ты старую черкеску мужа, а шапку надвинь на самые глаза. Съ мужемъ, когда поѣдешь въ степь, ни о чемъ ни говори и никому не открывайся, что ты женщина до тѣхъ поръ, пока я не подойду къ тебѣ...

— Я все сдѣлаю, что ты сказалъ, отвѣтила Илячинъ.

Рано утромъ проснулся Хату, проснулся Кайсынъ. Вышли на дворъ, а молодой человѣкъ уже ожидаетъ ихъ.

— А гдѣ моя жена? спросилъ Кайсынъ, но Хату сейчасъ же пристыдилъ его.

— Такое-ли время, чтобы о женѣ говорить да еще при постороннемъ человѣкѣ, сказалъ онъ.

Сѣлъ Кайсынъ на коня и вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ поѣхалъ въ станъ.

А Тамъ, между станомъ хана и ауломъ, собралось много народа: по одну сторону стояли татары, по другую кабардинцы.

На курганѣ для хана было устроено изъ подушекъ и ковровъ особое мѣсто, и онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, курилъ трубку, будучи заранѣе увѣренъ въ своей побѣдѣ.

А богатырь—ногаецъ стоялъ тутъ же и,

показывая свою силу, ломалъ руками толстые куски дерева, какъ тонкіе прутья.

Князь Хапажевъ находился среди кабардинцевъ, но сидѣлъ не на подушкахъ, а на своемъ конѣ, скрывая подъ буркой оружіе, какъ и другіе кабардинцы, ибо послѣдніе рѣшили, что если побѣда останется на сторонѣ хана, сразу наброситься на татаръ и биться съ ними до послѣдней капли крови.

Мѣсто для борьбы было выбрано на лужайкѣ, съ одной стороны обрывающейся высокой скалой.

Слѣзь съ коня Кайсынъ и громко сказалъ:

— Марать свои руки о ханскаго богатыря я не буду, потому что слишкомъ ужъ онъ слабъ для меня. А вотъ для моего юнаго друга онъ будетъ въ пору.

И Кайсынъ указалъ рукой на молодого кабардинца, съ которымъ пріѣхалъ.

Удивился князь Хапажевъ, удивились и кабардинцы: почему Кайсынъ объ этомъ раньше не сказалъ имъ?

Но спрашивать его было уже некогда: по знаку, данному ханомъ, борцы начали сходиться.

Ногаецъ схватилъ своего противника, но не могъ повалить его, а тотъ въ свою оче-

редь схватилъ ногойца поперекъ туловища, приподнялъ и съ такой силой бросилъ объ-земь, что онъ застоналъ отъ боли. И затѣмъ, не давши подняться ногойцу, онъ схватилъ его за шею, потащилъ къ обрыву и бросилъ со скалы.

Въ рядахъ кабардинцевъ пронесся шумный крикъ побѣды.

Татары хранили молчаніе.

Ханъ былъ пораженъ и тоже нѣкоторое время молчалъ. Потомъ насильно засмѣялся и сказалъ, обращаясь къ князю Хапажеву:

— Теперь я вижу, что твои богатыри сильнѣе моихъ.

Въ это время изъ толпы кабардинцевъ выступилъ старикъ Хату, подошелъ къ кабардинцу—побѣдителю.

— Смотрите—это не мужчина, а женщина, жена моего сына—Илячинъ,—сказалъ онъ и снялъ съ кабардинца шапку.

— Растегни черкеску и бешметъ, покажи хану свои груди, а то онъ не повѣритъ, что ты—женщина—сказалъ онъ.

Илячинъ исполнила его приказаніе.

Крикъ удивленія пронесся въ толпѣ кабардинцевъ и татаръ.

Но больше всѣхъ былъ удивленъ Кайсынъ, онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ.

— Ты-ли это Илячинъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣтила она.—А что? Не вѣришь, что женщина кромѣ рожденія дѣтей и доенія коровъ способна и съ богатырями бороться?

Кайсынъ былъ смущенъ и ничего не отвѣтилъ.

Ханъ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ молчали, а потомъ, обратившись къ князю Хапажеву, сказалъ:

— Счастливъ кабардинскій народъ, имѣя такихъ женщинъ, какъ вотъ эта молодая жена витязя. Если кабардинскія женщины такъ сильны, то какою же силой должны обладать мужчины? Нѣтъ, съ такимъ народомъ, какъ кабардинцы, я буду жить въ дружбѣ и сдерживая свое слово, я немедленно же оставляю съ своимъ войскомъ Кабарду.

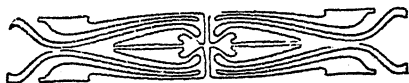
И ханъ далъ знакъ войску собираться въ походъ. *

Отправляясь домой, въ Крымъ, ханъ прислалъ въ подарокъ Илячинъ десять хорошихъ лошадей и пять дорогихъ ковровъ.

Кабардинскій народъ устроилъ въ честь Илячинъ большой праздникъ, который продолжался три дня, а въ память событія называлъ скалу, съ которой былъ сброшенъ ногаецъ, скалой Илячинъ.

Но Кайсынъ не былъ доволенъ, онъ былъ

золъ на жену, потому что съ этихъ поръ его иначе и не называли, какъ „Кайсынъ, мужъ Илячинъ“. А раньше говорили „нашъ отважный воинъ Кайсынъ“.

Х а д ы ж а.

Осенью, когда листва осыпалась съ деревь-евъ и туманы чаще начали ползти по степи, князя Али-мурза, Тау-султанъ и Кучукъ съ своими дружинами возвращались съ набѣга на казачью станицу.

Набѣгъ былъ удаченъ: кабардинцы ночью подожгли станицу, многихъ жителей ея убили, ограбили у нихъ рогатый скотъ, лошадей и двинулись обратно въ свои аулы.

Заря еще не начиналась; а они были уже далеко отъ сожженной и разграбленной станицы, къ полудню же остановились на отдыхъ въ мѣстности, называемой Татартупъ, выше паденія рѣки Малки въ Терекъ. Расположились станомъ, зажгли костры, подвѣсили на нихъ котлы съ бараниной.

Князя сидѣли вокругъ костра; чинакъ съ бузой переходилъ у нихъ изъ рукъ въ руки.

Отъ крѣпкой бузы зашумѣло у нихъ въ головѣ, и разговоръ ихъ сталъ оживленнѣе.

Вспомнили они набѣгъ прошлой ночи, вспомнили давно прошедшіе набѣги отцовъ, дѣдовъ.

Князь Кучукъ, лукавый и не сговорчивый человекъ, засмѣялся.

— Хе-хе.. Зачѣмъ мы тревожимъ сонъ отцовъ и дѣдовъ? сказалъ онъ.—Богъ далъ имъ вѣчный покой, не надо тревожить его. Лучше поговоримъ о себѣ.

— Что говорить о себѣ? разразился Алимурза.—Другъ друга мы знаемъ хорошо.

— И если начнемъ говорить, то ничего новаго не скажемъ,—добавилъ Тау-Султанъ.

Покачалъ головой Кучукъ.

— Кто знаетъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть и скажемъ, если будемъ говорить о себѣ откровенно. Я вотъ хотѣлъ бы знать, кто изъ насъ вѣритъ, что его конь, его шашка, его жена никогда ему не измѣнятъ. Ты, Тау-Султанъ, кому больше вѣришь?

Тау-Султанъ сказалъ:

— Пока я здоровъ и силенъ, я только шашкѣ своей вѣрю: возьму ее въ руки, живымъ врагамъ не дамъ. Но разъ силы покинутъ меня, шашкѣ своей не повѣрю.

— А женѣ своей ты развѣ не вѣришь? спросилъ Кучукъ.

— А ты своей женѣ вѣришь? въ свою очередь спросилъ Тау-Султанъ.

Кучукъ весело расхохотался и потомъ, по-смѣиваясь, сказалъ:

— Я вѣрю только своей подушкѣ да и то тогда, когда, положивъ на нее голову, поду-маю что либо: я знаю, что мыслей моихъ она никому не передастъ, потому, что не можетъ передать... А если я, кладя голову на подушку, скажу хотя бы два три-слова, я и подушкѣ не вѣрю: выдастъ она меня...

Али-Мурза послушалъ-послушалъ, сказалъ.

— Ты все шутишь, Кучукъ... А я скажу тебѣ, что очень вѣрю женѣ своей Хадыжѣ, вѣрю, что она не измѣнитъ мнѣ, пока я живъ.

Стоялъ недалеко отъ костра и слушалъ разговоръ князей одинъ человекъ.

Не былъ онъ кабардинцемъ, а изъ како-го народа онъ былъ: русской-ли, армянинъ-ли, грекъ-ли, или еврей,—никто не зналъ.

Давно, еще молодымъ парнемъ прибѣжалъ онъ къ кабардинцамъ изъ русской крѣпости, сказалъ что онъ бѣглець, хочетъ жить среди кабардинцевъ. Принялъ вѣру магометанскую и остался жить въ аулѣ.

Что онъ дѣлалъ, никто не зналъ, потому что никто за работой его не видѣлъ: землю онъ не пахалъ, табуна лошадей не пасъ, на охоту не ходилъ, а толкался среди народа, прислушивался, присматривался и молчалъ.

Только, когда кабардинцы собирались въ набѣгъ, онъ садился на свою лошаденку, тащился за ними, хотя никто не просилъ его объ этомъ.

И, когда шелъ бой, не видно было того человѣка: онъ словно сквозь землю проваливался съ своею лошадейю, а какъ только кончался бой и кабардинцы побѣждали, онъ откуда то появлялся, и своимъ длиннымъ кинжаломъ медленно рѣзалъ раненыхъ враговъ, насилуовалъ дѣтей, беззащитныхъ женщинъ, которыхъ потомъ тѣмъ же кинжаломъ убивалъ. Грабилъ онъ мертвыхъ.

И была у него душа черная, какъ та черная дума, которая залегла въ его угрюмыхъ глазахъ.

Никто не видѣлъ его въ мечети, не видѣлъ никто, чтобы онъ совершалъ когда либо намазъ, а съ трубкой въ зубахъ его всѣ видѣли: никогда онъ не выпускалъ изо рта длиннаго чубука...

Имени, какъ у cadaго человѣка, у него

не было: когда нужно было позвать его, кричали ему:

— Эй!

И онъ отзывался. И всѣ его звали Эй.

Али-мурза презиралъ его.

— Собака!

Иначе онъ его не называлъ.

И Эй ненавидѣлъ Али-Мурзу: онъ не могъ забыть, какъ Али-Мурза при народѣ ударилъ его плетью по лицу и разсѣкъ кожу до крови.

Тогда Эй не бросился на Али-Мурзу съ кинжаломъ въ рукахъ, а, какъ прибитая собака, пошелъ, держась за щеку.

И съ тѣхъ поръ думалъ о томъ днѣ, когда онъ только отомститъ Али-Мурзѣ.

Не приходилъ тотъ день, а Эй терпѣливо ждалъ наступленія его.

И когда Али-Мурза сказалъ, что жена его не измѣнитъ ему, пока онъ живъ, Эй вынулъ изо рта чубукъ тихо, но злобно разсмѣялся:

— Хе-хе-хе-хе!

Вскипѣлъ Али-Мурза.

— Ты, собака!—крикнулъ онъ Эю—чему ты смѣешься? Говори!

Эй молчалъ.

— Говори! крикнулъ Али-Мурза, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, направилъ его въ Эя.

Тотъ вздрогнулъ, согнулся было, но сейчасъ-же вспыхнули у него глаза.

— Ты, князь, хочешь знать, чему я смѣялся? спросилъ онъ.—Слушай, скажу: у твоей жены есть любовникъ!

— Лжешь! крикнулъ Али-Мурза, вскакивая на ноги.

— Нѣтъ, не лгу,—отвѣтилъ Эй.—Конечно, ты можешь убить меня, но то, что я сказалъ, останется правдой...

Али-Мурза опустилъ пистолеть.

— Ты долженъ сказать, кто это этотъ любовникъ,—сказалъ онъ.

— Скажу и это,—отвѣтилъ Эй,—этотъ любовникъ я...

Удивленъ и пораженъ былъ Али-Мурза.

— Слышите,—обратился онъ къ Тау-Султану и Кучуку.

— Слышимъ,—отвѣтили тѣ.

— Вѣдь лжетъ эта собака,—продолжалъ Али-Мурза.

Потомъ подумавъ, сказалъ Эю:

— Если ты и на самомъ дѣлѣ любовникъ моей жены, то долженъ знать какія примѣты на ея тѣлѣ, какихъ ни у одной женщины не встрѣтишь... Знаешь ты ихъ?

— Мнѣ некогда было разсматривать эти примѣты,—отвѣтилъ Эй.

— Пусть такъ,—сказалъ Али-Мурза.—Но ты можешь ихъ узнать, если ты любовникъ жены. Даю тебѣ три дня срока, поѣзжай въ мой аулъ и узнай объ этихъ примѣтахъ. Приѣдешь обратно и точно расскажешь про эти примѣты, можешь прострѣлить или отрубить мою голову, а солжешь, то знай, пощады отъ меня тебѣ не будетъ. Смотри, не вздумай бѣжать изъ Кабарды: я всюду тебя найду, повѣрь мнѣ... Слышалъ, что я сказалъ?

— Слышалъ,—отвѣтилъ Эй, осѣдлавъ свою лошадь и поѣхалъ въ аулъ Али-Мурзы.

Къ вечеру другого дня онъ былъ въ аулѣ. Остановился у двора Али-Мурзы.

Изъ сакли на его зовъ вышла старуха-холопка.

Эй сказалъ:

— Я приѣхалъ отъ Али-Мурзы, чтобы сказать его женѣ что-то важное...

Холопка вошла въ саклю и скоро вернулась обратно.

— Будь гостемъ,—сказала она Эю, впуская его во дворъ.

Холопы взяли лошадь у Эя, а самого его отвели въ кунацкую.

Скоро та же старуха принесла ему жареной баранины и бузы.

— Развѣ княгиня не войдетъ ко мнѣ? спросилъ Эй.

— Нѣтъ,—отвѣтила старуха.—Скажи, здоровъ-ли Али-Мурза и гдѣ онъ теперь?

— Али-Мурза здоровъ, а находится онъ около Татартупа,—отвѣтилъ Эй.—Но я хотѣлъ сказать самой княгинѣ кое-что о ея мужѣ...

— Княгиню ты не увидишь,—сказала старуха.—Когда князя дома нѣтъ, она не показывается изъ сакли, а тѣмъ болѣе мужчинамъ.

И ушла старуха, а Эй подумалъ:

— Не удастся мнѣ узнать о примѣтахъ на тѣлѣ княгинѣ, зачѣмъ я буду возвращаться къ Али-Мурзѣ? Пробирусъ я къ осетинамъ въ горы или къ черкесамъ на Кубань,—пусть онъ меня тамъ ищетъ!..

На другой день утромъ, когда старуха внесла въ кунацкую кушанья, Эй высыпаль изъ кисета на ладонь нѣсколько золотыхъ монетъ и принялся разсматривать ихъ.

Разгорѣлись глаза у старухи.

— Какъ ты богатъ! проговорила она.

Эй вздрогнулъ и притворно быстро спряталъ золото въ кисеть.

— А я и не замѣтилъ, какъ ты вошла,—сказалъ онъ. Богатъ я, говоришь ты? Да, я

богаты, и могу подарить тебѣ одну монету.

И Эй подалъ старухѣ монету.

Та съ радостью взяла ее.

— Что я слышалъ про твою княгиню, — сказалъ Эй, засмѣявшись.

— Что ты слышалъ? спросила старуха.

— Говорятъ, что у нея тѣло черное, какъ земля, поэтому то она и не показывается никуда... Хе-хе...

— Неправда, — отвѣтила старуха, — тѣло у княгини все бѣлое, и сама она красивая...

— Не вѣрю я. До тѣхъ поръ не повѣрю, пока своими глазами не увижу ея тѣло...

Какъ ты увидишь ея тѣло, если я сама не вижу его?

— Почему? удивился Эй.

— А потому, что, когда она купается въ саклѣ, то велитъ мнѣ держать передъ ней циновку такъ, чтобы она скрывала ея тѣло отъ моихъ глазъ...

— Зачѣмъ она это дѣлаетъ?

— Не знаю...

А я знаю: тѣло у нея скверное, вотъ она и стыдится показывать его... Ахъ, какъ хотѣлъ бы я убѣдиться въ этомъ своими глазами... Вотъ тебѣ, старуха, еще золотой, — устрой мнѣ это. Повѣрь мнѣ, отъ того, что я взгляну

хоть издалека на нагую княгиню, ей плохо не будетъ...

Взяла старуха золотой и на другое утро, когда княгиня собиралась купаться въ сакль, провела Эя къ двери и приказала ему смотрѣть въ щелку.

Прижался Эй за дверью, дрожитъ отъ волненія.

И видитъ онъ: вошла старуха съ большимъ тазомъ, наполнила его водой, подняла передъ собой циновку.

Послышался плескъ воды...

Вдругъ упала циновка, и Эй увидѣлъ сидящую въ тазу нагую женщину, а на спинѣ у нея, межъ лопатокъ, замѣтилъ три большихъ черныхъ родимыхъ пятна.

— Вотъ она, примѣта,—подумаль онъ,— не выдержаль, хихикнулъ, а затѣмъ выскочилъ изъ сакли, подбѣжалъ къ лошади, осѣдлалъ ее и быстро поскакалъ со двора.

Услышавъ за дверью смѣхъ, княгиня задрожала отъ испуга, краска стыда покрыла ея красивое лицо.

Поспѣшно набросила она на себя платье и сказала старухѣ:

— За дверью кто то есть...

Смутилась старуха,

— Кому тамъ быть,—пробормотала она—

никого нѣтъ... Это тебѣ такъ показалось.

Княгиня пристально посмотрѣла въ глаза старухи.

Та еще сильнѣе смутилась.

— Успокойся, княгиня, никого за дверью нѣтъ,—попрежнему проговорила она, не смѣя взглянуть княгинѣ въ глаза.

— Лжешь!—вскричала княгиня, дрожа отъ гнѣва.—Ты меня выдала!

Схватила она со стѣны кинжалъ, обнажила его.

— Говори, кто былъ за дверью!—вскричала она, поднявъ надъ старухой кинжалъ.

— Не убивай!—простонала старуха,—все расскажу.

И рассказала.

Выслушала ее княгиня, подумала:

— Великая опасность грозитъ мужу.

Потомъ сказала старухѣ;

— Иди, ты мнѣ больше не нужна.

Старуха упала передъ ней на колѣни, просила прощенія.

Толкнула ее княгиня ногой, пошла въ другое помѣщеніе сакли, одѣлась въ старое рванное платьѣ, закутала голову въ большой платокъ и, по—старушечьи согнувшись вышла изъ сакли, прошла аулъ, очутилась въ степи.

— Надо спѣшить,—сказала она себѣ и зашагала по направленію къ Татартупу, выбравъ кратчайшую дорогу черезъ горы.

Наступилъ вечеръ. Вѣтеръ холодный подулъ, снѣгъ началъ падать.

Княгиня шагала, думала о мужѣ и сердце у нея отъ тоски сжималось.

А вѣтеръ носился по степи, вылъ какъ голодный волкъ, и снѣгомъ заносило княгиню.

Тѣмъ временемъ Эй скакалъ по другой дорогѣ и, не жалѣя лошадь, гналъ ее, нахлестывая плетью.

— Хо-хо-хо!—кричалъ онъ, злобно хохоча.—Какъ я взмахну кижаломъ, какъ покажется голова Али-Мурзы! Хо-хо!

И стегалъ плетью лошадь.

Уже показались ярко пылающіе костры; еще проскакать немного, и Эй посмѣется надъ Али-Мурзой, жестоко посмѣется.

Но споткнулась лошаденка, Эй вылетѣлъ изъ сѣдла и растянулся на дорогѣ.

Ругаясь поднялся онъ на ноги, подошелъ къ лошади, а та вытянула ноги, захрапѣла.

Толкнулъ ее Эй ногой. Она лежала неподвижно.

— Пусть шайтанъ возьметъ тебя на ужинъ! —крикнулъ онъ и побѣжалъ.

У костра сидѣли князя, изрѣдка перебрасывались словами.

Вдругъ шумъ послышался.

— Что тамъ случилось?—спросилъ Кучукъ.

— Эй прибѣжалъ,—сказалъ одинъ изъ кабардинцевъ.—Лошадь его пала, и онъ прибѣжалъ сюда.

— Ведите его сюда!—крикнулъ Али-Мурза, и сердце его защемила глубокая тоска.

Эй подошелъ къ костру. Отъ усталости онъ тяжело дышалъ, крупными каплями пота покрылось его лицо.

— Узналъ?—спросилъ Али-Мурза.

— Подожди, князь, дай мнѣ отдохнуть,—проговорилъ Эй.—Ты очень нетерпѣливъ, но потерпи немного, и все узнаешь.

— Говори, собака!—крикнулъ Али-Мурза.—Говори, не то голову отрублю!..

— Ты, князь, свою голову приготовь для моего кинжала,—сказалъ Эй и продолжалъ: —такихъ женъ, какъ твоя жена, слѣдуетъ камнями побивать. Ты спрашивалъ про особя примѣты ея тѣла. Слушай, я скажу ихъ, у нея межъ лопатокъ три большихъ черныхъ родимыхъ пятна. Правда, князь?

— Правда,—отвѣтилъ Али-Мурза.—Твоя правда...

— Ну, я готовъ, — сказалъ онъ потомъ. — Хочешь — прострѣли мою голову, хочешь, — отруби ее... Только скорѣе.

Эй схватился было за свой кинжалъ, но Кучукъ и Тау-Султанъ удержали его.

— Подожди умирать, Али-Мурза, — сказалъ Кучукъ, — это сдѣлать ты успѣешь еще завтра. А ты, — обратился онъ къ Эю, — иди отдохни, да наточи острѣе свой кинжалъ, чтобы отрубить голову князю съ одного раза...

Эй заворчалъ и отойдя сѣлъ около отдаленнаго костра.

Али-Мурза сидѣлъ съ поникшей головой и спрашивалъ себя:

— Неужели же Хадыжа измѣнила мнѣ?

— Не мучайте меня, — сказалъ онъ своимъ товарищамъ, — дайте мнѣ сейчасъ умереть. Я долженъ умереть, ибо Эй правъ: жена измѣнила мнѣ.

Кучукъ подумалъ, покачалъ головой.

— А мнѣ не вѣрится, что твоя жена измѣнила тебѣ ради этой презрѣнной собаки, — сказалъ онъ. — Правда, какъ отъ женщины, такъ и отъ мужчины всего можно ожидать, потому что ручаться за человѣка нельзя, — это давно извѣстно. Но, скажу тебѣ, Али-Мурза, не вѣрю я этой собакѣ, Эю, охъ, не вѣрю.

— Подождемъ до утра,—сказаль Тау-Султанъ,—день намъ скажетъ, какъ надо будетъ поступить.

Поздно ночью Али-Мурза, закутавшись въ бурку, легъ около костра и крѣпко заснулъ, заснули Тау-Султанъ и Кучукъ.

Только забрезжилъ мутный осенній разсвѣтъ, какъ стоявшій на стражѣ кабардинецъ увидѣлъ, что подходитъ къ нему какой то человѣкъ.

Подошелъ человѣкъ ближе, и кабардинецъ увидѣлъ, что это была женщина.

— Что тебѣ надо? спросилъ кабардинецъ.

— Мнѣ надо видѣть князя Кучука,—отвѣтила женщина.—Очень важное дѣло есть къ нему...

Кабардинецъ разбудилъ своихъ товарищей, а тѣ разбудили Кучука, привели къ нему женщину.

Лицо женщины было почти все закутано платкомъ. Отъ усталости она едва держалась на ногахъ.

— Кто ты-такая и что тебѣ надо отъ меня? спросилъ Кучукъ.

Я—бѣдная вдова,—отвѣчала женщина. Пришла жаловаться на одного человѣка, который укралъ у меня пять золотыхъ. Эти золотые остались послѣ смерти мужа, и я

берегла ихъ, чтобы купить лошадь и оружіе для своего сына, когда онъ подростеть, но пришелъ воръ и укралъ золотые...

— Кто же этотъ воръ? спросилъ Кучукъ.

— Воръ человѣкъ, котораго называютъ Эй—отвѣтила женщина.

Кучукъ приказалъ привести къ нему Эя.

Тотъ подошелъ съ трубкой въ зубахъ.

— Вотъ эта женщина говоритъ, что ты укралъ у нея пять золотыхъ,—сказалъ ему Кучукъ.

— Какіе золотые?! удивился Эй.—Ни у кого я не воровалъ золотыхъ, а эту женщину впервые вижу, и кто она не знаю.

— Какъ не знаешь? возразила женщина, — Ты ночевалъ у меня... Припомни-ка.

— Ты лжешь! сказалъ Эй.—Ты--помѣшанная женщина, и сама не знаешь, что говоришь. Скажи, какъ я могъ у тебя ночевать, когда совсѣмъ тебя не знаю, не знаю, гдѣ ты живешь.

— Нѣтъ, ты знаешь меня, сказала женщина, открыла свое лицо и показывая его Эю, проговорила:—Посмотри, можетъ быть, узнаешь.

— Что смотришь? сказалъ Эй.—Я сказалъ, что ты не въ своемъ умѣ... Не знаю тебя...

Проснулись Али-Мурза и Тау-Султанъ. Послѣдній, зѣвая потянулся, сѣлъ къ костру, а Али-Мурза продолжалъ лежать подъ буркой. Голосъ женщины казался ему очень знакомымъ.

— Это голосъ жены моей, — сказалъ онъ себѣ.

И когда Эй въ послѣдній разъ сказалъ, что онъ не знаетъ этой женщины, Али-Мурза вскочилъ на ноги, подбѣжалъ къ Эю, схватилъ за руку и подтащилъ къ женщинѣ.

— Ты не знаешь этой женщины?! воскликнулъ онъ.— Но вѣдь это—моя жена, которую ты назвалъ своею любовницей и примѣты на тѣлѣ которой такъ вѣрно описалъ.

Эй былъ пораженъ и слова не могъ вымолвить.

Кучукъ, чуть-чуть усмѣхаясь, сказалъ:

— А вѣдь я былъ правъ, когда сказалъ, что не вѣрю Эю.

— И я тоже былъ правъ, когда сказалъ, что день намъ укажетъ, какъ надо будетъ поступить,—добавилъ Тау-Султанъ.

— Говори, Хадыжа, какъ случилось, что ты сюда пришла,—обратился къ женѣ Али-Мурза.

Хадыжа рассказала о посѣщеніи Эемъ дома Али-Мурзы и объ измѣнѣ старухи.

— Ты слышишь? спросилъ Али-Мурза Эя.

— Слышу,—отвѣтилъ тотъ.

— И что скажешь на это?

— Что скажу? Одно скажу: очень жалѣю о томъ, что не удалось мнѣ вчера отрубить тебѣ голову...

— Ну,— проговорилъ Кучукъ,—разговоръ съ этимъ человѣкомъ только одинъ и можетъ быть.

Выхватилъ онъ изъ за пояса пистолеть и выстрѣлилъ въ голову Эя.

Съ пробитой пулей головой упалъ Эй и умеръ.

— Вотъ и весь разговоръ,—засмѣялся Кучукъ.—А теперь ѣдьте домой...

На лучшаго коня посадили Хадыжу и съ пѣснями, стрѣльбой двинулись кабардинцы въ свои аулы по той дорогѣ, по которой ночью шла Хадыжа спасать отъ смерти мужа.

А когда Али-Мурза приѣхалъ въ свой аулъ, приказалъ позвать къ себѣ старуху.

Но ея нигдѣ не было, а потомъ ея трупъ съ камнемъ на шеѣ нашли въ рѣкѣ.

М у с с а.

Не злѣйшіе враги сошлись и поносили одинъ другого обидными словами: два брата, князя Кайтуко и Тахтамышъ дѣлили имущество, оставшееся послѣ смерти ихъ отца, старика Амархана.

И если бы они не призвали сосѣднихъ владѣтельныхъ князей быть судьями между ними, то неминуемо схватились бы за кинжалы, и пролилась бы кровь.

Раздѣлъ имущества не примирилъ братьевъ: каждый изъ нихъ считалъ себя обиженнымъ, и на брата смотрѣлъ, какъ на врага.

И, какъ кровники, братья избѣгали встрѣчаться.

Не молодъ былъ Кайтуко—волосы въ его бородѣ начали серебриться, а онъ все еще продолжалъ дѣлать набѣги на казачьи станицы.

Удачны были набѣги—возвращался онъ

съ нихъ съ награбленнымъ добромъ, и слава о Кайтукѣ, какъ объ отважномъ джигитѣ, шла по Кабардѣ.

Но случилось однажды, что въ жаркой схваткѣ съ казаками большая часть воиновъ Кайтуки была перебита, а самъ онъ только бѣгствомъ спасся отъ смерти.

И возвращался онъ въ свой ауль злой и мрачный.

Ѣхаль онъ, и невеселыя думы бродили у него въ головѣ, и стыдно за себя становилось: онъ ли искалъ спасенія бѣгствомъ?

Обрадуется теперь Тахтамышъ и всюду распространить молву о позорномъ бѣгствѣ Кайтуки, скажетъ:

— Джигитъ, о которомъ въ народѣ пѣсни сложились, какъ слабая женщина бѣжалъ отъ враговъ! Какой онъ джигитъ? Трусъ!

И злоба все сильнѣе охватывала Кайтуко, и готовъ онъ былъ убить Тахтамыша.

Ѣхаль онъ, погруженный въ думы, бросилъ поводья на шею коня.

Споткнулся конь о дорожный камень— Кайтуко чуть изъ сѣдла не вылетѣлъ.

Выругался Кайтуко, ударилъ плетью коня. Рванулся конь впередъ, понесся...

Скачетъ Кайтуко и видитъ: впереди идетъ какой то бѣдно одѣтый челоуѣкъ и балалай-

ку подь мышкой держить... Чуть-чуть посторонился онъ и на Кайтуко не оглянулся.

— Придержалъ Кайтуко коня, крикнулъ:

— Эй, ты, собака, прочь съ дороги!

Неизвѣстный продолжалъ идти, не оглядываясь...

— Эо, ты, байгушь! снова крикнулъ Кайтуко.

Неизвѣстный не оглянулся и шель своимъ путемъ.

— Онъ глухой,—подумалъ Кайтуко, покакавъ впередъ, загородилъ неизвѣстному путь.

— Стой! крикнулъ онъ.

Неизвѣстный остановился.

— Ты глухой? спросилъ его Кайтуко.

— Нѣтъ, не глухой,—отвѣчалъ тотъ.

— Значить, слышалъ, какъ я кричалъ?

— Слышалъ...

— Отчего же ты не остановился, когда я приказывалъ тебѣ остановиться?

— Ты приказывалъ собакѣ, а я не собака!..

— Кто же ты? Какъ звать тебя?

— Я—человѣкъ, а имя мое—Мусса...

— А почему ты не остановился, когда я назвалъ тебя байгушемъ? спросилъ Кайтуко.

— Потому, что я не байгушь,—отвѣтилъ Мусса.

— Какъ не байгушь?! воскликнулъ Кайтуко.— Ты взгляни на себя: черкеска твоя изорвана, чевяки продырявлены, шапка старая. Ты—нищій!

Мусса презрительно усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Я богаче тебя!

Громко захохоталъ Кайтуко...

Подѣхали на взмыленныхъ коняхъ воины его.

— Вотъ посмотрите на этого полоумнаго, — обратился Катуйко къ воинамъ, указывая на Муссу.— Онъ увѣряетъ, что онъ богаче меня...

Засмѣялись воины, а одинъ изъ нихъ сказалъ Муссѣ:

— Да ты знаешь ли, съ кѣмъ говоришь? Ты стоишь передъ княземъ Кайтуко! Онъ— силенъ и богатъ: у него много земли, лѣсовъ, скота, рабовъ. Ты же ничего этого не имѣешь...?

— Правда—отвѣтилъ Мусса,— не имѣю, но все же я богаче князя...

— Чемъ богаче? спросилъ Кайтуко.

— Слушай, князь,—сказалъ Мусса.— Богатство мое во мнѣ самомъ, въ томъ дарѣ, которымъ наградилъ меня Богъ, и его ты не

приобрѣтешь ни за какія драгоцѣнности въ мѣръ. Твоя же слава и богатство добыты кровью и несчастьемъ людей, и недолговѣчны онѣ: сегодня есть, а завтра разсѣются, какъ дымъ!...

Нахмурился Кайтуко.

— Какимъ же даромъ наградила тебя Богъ? спросилъ онъ.

Мусса отвѣтилъ:

— Слагаю я пѣсни: воздаю славу мужеству сильныхъ духомъ людей, насмѣшкой и презрѣньемъ клеймлю подлость и глупость людскую.

Вспыхнулъ Кайтуко, но потомъ насильно разсмѣялся и сказалъ Муссѣ:

— Смѣшишь ты меня, несчастный чело-вѣкъ! Ничтожно богатство твое! Рожденный нищимъ, нищимъ ты умрешь, голодный сей-часъ, не знаешь, будешь ли ты сытъ завтра!... Скитаясь, какъ волкъ, ты пріюта постояннаго не имѣешь. Пѣсней добывая кусокъ хлѣба, ты часто бываешь съ позоромъ гонимъ, потому что не всѣмъ же могутъ нравиться пѣсни твои..

— Нѣтъ,—гордо отвѣтилъ Мусса.—Я не пѣсней своею кормлюсь: взгляни князь на мои руки—онѣ мозолями покрыты, знакомы онѣ съ тяжелымъ трудомъ, котораго ты совсѣмъ не знаешь. Одежда моя, правда бѣдна, но она заработана мной; обѣдъ мой скуденъ, но хлѣбъ и вода очень вкусны, когда вдоволь потру-

дишься, чтобы достать ихъ. Жаркое лѣто да-
етъ мнѣ ночлегъ въ степи, а зимой въ лю-
бой саклѣ я найду пріютъ. Я не нищій, князь,
я богаче тебя! Настанетъ время, умрешь ты,
и кто добрымъ словомъ помянетъ тебя? Ра-
бы, которые ненавидятъ тебя, обрадуются
твоей смерти, а жена и дѣти твои скоро утѣ-
шатся, потому что нельзя всю жизнь оплаки-
вать смерть любимаго человѣка. Да и любимъ
ли ты кѣмъ либо? Нѣтъ, тебя только боят-
ся... Я же со смертью своею безслѣдно не ис-
чезну съ земли: послѣ меня останутся пѣсни,
и онѣ не умрутъ, пока будетъ жить кабар-
динскій народъ...

Не могъ дальше сдержатъ своего гнѣва
Кайтуко, крикнулъ, замахиваясь плетью на
Муссу.

— Лживый песь! Знаю, умѣешь ты кра-
сиво рассказывать сказки, посмотримъ—су-
мѣешь ли ты исполнить работу моихъ ра-
бовъ.

И крикнулъ потомъ воинамъ:

— Гоните эту собаку въ аулъ!

Ударилъ плетью лошадь, поскакалъ.

Заурбекъ, старшій надъ рабами и самъ
рабъ запрягъ Муссу въ тяжелый плугъ.

— Ну-у! крикнулъ онъ и ударилъ Мус-
су плетью.

— Глупый ты человекъ,—сказалъ ему Мусса,—вѣдь ты,—рабъ, и завтра по волѣ твоего господина тебя буду истязать также, какъ ты меня истязалъ...

Заурбекъ поднялъ было надъ Муссой плеть, но остановился, задумался.

— Ты правду говоришь,—сказалъ онъ и освободилъ Муссу изъ плуга...

Вечеромъ рабы готовили свой ужинъ.

Мусса сидѣлъ у огня, перебиралъ струны балалайки и пѣлъ...

Чуть слышно звучали струны, а пѣсня вырывалась изъ дымной сакли, улетала на просторъ, къ звѣздамъ...

Рабы слушали въ молчаніи.

Задумался Заурбекъ, и передъ глазами у него встали дикія горы его родины, глубокія ущелья, по которымъ съ ревомъ несутся рѣки; туманы, цѣпляющіеся за утесы, нависшіе надъ бездной... Сакли родного аула стояли у него передъ глазами.

— Другъ,—проговорилъ онъ,—положивъ руку на плечо Муссы.—Мой другъ по несчастью...

* * *

Кайтуко забылъ о Муссѣ—не до него ему было: молва о его позорномъ бѣгствѣ быстро разнеслась въ народѣ, и слава о немъ, какъ

о не устрашимомъ джигитѣ, начала меркнуть. И злой, раздраженный сидѣль Кайтуко въ саклѣ, не показываясь въ народѣ.

А его приближенные, хитрые наушники, сообщали ему о томъ, что говорили о немъ въ народѣ.

Нехорошо говорили, очень нехорошо! И виной этому Тахтамышъ: онъ всюду кричитъ, что Кайтуко трусь, женщина онъ, а не мужчина.

И злоба противъ брата душила Кайтуко.

* * *

Заурбекъ во время работы шепнулъ Муссѣ:
— Этой ночью Кайтуко убьетъ своего брата. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ: Настанетъ ночь, и жизнь твоя, Тахтамышъ, прекратится; не дрогнетъ моя рука и жалость не коснется сердца.

Мусса молча выслушалъ, а вечеромъ ушелъ изъ сакли. Куда ушелъ, никто не зналъ.

* * *

Ночью Кайтуко, какъ воръ, пробрался къ двору Тахтамыша и засѣлъ въ бурьянѣ.

Дверь въ саклѣ была отворена, и у пылающаго очага сидѣль Тахтамышъ.

Поднялъ винтовку Кайтуко...

Въ темнотѣ, гдѣ то близко около него, слышались звуки балалайки, какъ робкій

шелестъ вѣтерка, зазвучали они... И вслѣдъ за ними послышалась пѣсня...

— Славный былъ Амирханъ, а сыновья его покрыли себя позоромъ,—пѣль кто то скрытый темнотой ночи.

— Трупъ отца еще въ прахъ не обратился, а братья возненавидѣли другъ друга...

— Какъ звѣри, жаждутъ они крови родной...

— О, не разумные братья! Разсудокъ вашъ, этотъ драгоценный даръ Божій, омраченъ, и вы стоите на краю пропасти, не замѣчая этого.

— Опомнитесь, братья!

Кайтуко опустилъ винтовку и точно оцѣпенѣлъ...

Тахтамышъ вышелъ изъ сакли, прислушался...

Что то дрогнуло въ душѣ Кайтуко, бросилъ онъ винтовку, вышелъ изъ бурьяна...

— Братъ! робко назвалъ онъ Тахтамыша...

— Братъ! радостно отозвался Тахтамышъ и побѣждалъ на встрѣчу Кайтуки...

И обнялись братья...

И звѣзды какъ будто ярче заблестѣли...

* * *

На другой день Кайтуко говорилъ Муссъ:

— Ты побѣдилъ, ты сильнѣе. Остайся у

меня.—Все, что ты хочешь, бери и будь моимъ другомъ, только моимъ...

Покачалъ головой Мусса.

— Не могу я остаться у тебя: я другъ всего народа, я пойду къ нему...

И Пошелъ...

Чудная женщина.

Взбирается тропинка по карнизу сѣрой каменной скалы, узкая тропинка—два человека стать на ней рядомъ не могутъ... Обрывается скала въ пропасть, на днѣ которой бѣлѣетъ полоска—это рѣка бурлитъ.

Шума ея волнъ, грохота камней, которые она катитъ, не слышно съ тропинки: высоко-высоко виситъ скала надъ рѣкой.

Все выше взбирается въ гору тропинка, а потомъ съ горы спускается въ глубокое ущелье, гдѣ растутъ чинары, дубы.

Вьется она межъ чинарами, тяжело карабкается по противоположному склону ущелья; и, достигнувъ вершины его, весело бѣжитъ по полянкѣ.

А полянка травами, цвѣтами заросла. Какъ крупныя капли алой крови, разбросался дикій макъ; выглядываютъ изъ травы незабудки, похожіе на синіе глазки ребенка; на одинокихъ

кустахъ низкорослаго шиповника цвѣтутъ блѣдно розовыя душистыя чашечки.

Бѣжитъ—смѣется тропинка среди травъ, цвѣтовъ и, добѣжавъ до камня, останавливается.

Лежитъ большой сѣрый камень, и похожъ онъ на спящаго человѣка: вотъ голова съ закрытыми глазами, вотъ плечи и руки, положенныя на грудь, а вотъ ноги.

И былъ этотъ камень человѣкомъ...

Давно было, въ то время, когда лѣса на горахъ никто не вырубалъ, и они стояли густыя и дикіе, и когда поднимался вѣтеръ, они такъ шумѣли и гудѣли, что слышно было внизу, въ долинѣ.

Люди жили въ долинѣ, подъ горой—тамъ, по берегу рѣки, стояли ихъ дымныя сакли, а на лугахъ пасся ихъ скоть.

Въ рѣкѣ было много рыбы, которую люди ловили, а на лугахъ, въ поляхъ водилась птица, водились звѣри, на которыхъ люди ставили силки, капканы.

Тамъ, въ своихъ дымныхъ сакляхъ, жили они, и были у нихъ свои радость и горе, а когда приходило время для нѣкоторыхъ изъ нихъ, умирали они, и мертвыя тѣла ихъ закапывались въ землю.

И много-много годовъ проходило, и люди,

жившіе въ дымныхъ сакляхъ, не взбирались на гору, скалой обрывалась она, а тропинки не было въ скалѣ, да и зачѣмъ было имъ взбираться на гору, если имъ хорошо было внизу, въ долинѣ? Но пришло время, и въ одной дымной саклѣ родился человекъ, а когда онъ выросъ, сталъ высокимъ и стройнымъ, — какъ молодой чинарь, и крѣпкимъ, какъ камень. Бѣгалъ быстро, какъ олень, силу медвѣдя имѣлъ, а когда кричалъ, то голосъ его гремѣлъ, подобно эху грома.

И зачѣмъ такому человекъ быть печальнымъ?

А онъ былъ печальнымъ. Смотрѣлъ на скалу, смотрѣлъ на вершину горы, и было печально его лицо.

Видѣли люди, жившіе въ дымныхъ сакляхъ, что печаль легла на душу этого человека, и недоумѣвали: откуда взялась она?

А онъ смотрѣлъ на гору и утромъ и вечеромъ, и ночью, когда солнце спало, и горы не было видно.

Что онъ видѣлъ тамъ?

— Большой безумный человекъ, — сказали про него люди.

И разъ утромъ они увидѣли: большой безумный человекъ взялъ тяжелую желѣзную кирку и началъ рубить ея скалу.

И смѣялись люди:

— Разумъ въ большомъ человѣкѣ совсѣмъ пропалъ: какая польза рубить камень?

А большой человѣкъ рубилъ камень долго-долго.

И потомъ увидѣли люди, жившіе въ дымныхъ сакляхъ: по скалѣ поползла тропинка, и большой человѣкъ взобрался по ней на вершину горы, а когда спустился внизъ, къ саклямъ, лицо его сіяло радостью, глаза блестяли, и пѣлъ онъ, и смѣялся, какъ ребенокъ.

Рано утромъ взбирался онъ на гору и вечеромъ спускался въ долину радостный.

И сказали люди:

— Что нашель этотъ безумный тамъ, на горѣ? Отчего онъ такъ радуется?

И спросили они его объ этомъ, но онъ только посмотрѣлъ на нихъ и отвернулся.

— Мы сами узнаемъ—сказали нѣкоторые изъ нихъ.

И утромъ, дождавшись, когда большой человѣкъ поднялся на гору, эти нѣкоторые люди, пошли слѣдомъ за нимъ.

И увидѣли они на полянкѣ женщину. Она не была похожа на тѣхъ женщинъ, которыя жили тамъ внизу, въ дымныхъ сакляхъ, женщинъ съ грязными руками и лицами, съ крас-

ными, слезящимися изъѣденными дымомъ глазами, съ крикливыми голосами.

Какъ свѣтлое облако въ раннее весеннее утро, озаренное первыми лучами солнца, была прекрасна эта женщина. Глаза ея—синіе, какъ небо, и взглядомъ ихъ проникала она въ душу, наполняя любовною радостью ее.

А пышные волосы ея золотомъ отливали. Снѣгъ на вершинѣ Ошхо-Махо*) не бѣлѣе ея тѣла былъ, а на ея щекахъ утренняя заря вспыхивала.

И одѣта была женщина въ свѣтлыя одежды, сквозь нѣжную и тонкую ткань которыхъ просвѣчивало тѣло.

И увидѣли эти нѣкоторые люди—большой человѣкъ упалъ передъ женщиной и цѣловалъ ея ноги, маленькія и красивыя ножки.

Пораженные стояли они молча и глазъ не могли оторвать отъ женщины, и чувствомъ невѣдомаго ими раньше восторга наполнялись сердца ихъ, и забыли они свои дымныя сакли, забыли своихъ женщинъ съ длинными и жилистыми руками и крикливыми голосами.

Казалось имъ, что они снова родились, и радостно смотрѣли на ясное небо, на солнце, на горы, которыя сверкаютъ вдали вѣчными снѣгами.

*) Эльбрусъ.

И потомъ увидѣли они, какъ чудная женщина, едва касаясь ногами травы, цвѣтовъ, пошла и скрылась тамъ, гдѣ стоитъ громада камней, наваленныхъ одинъ на другой.

И видѣли они, что большой человекъ цѣлуетъ мѣсто, гдѣ стояла чудная женщина.

Спустились они къ своимъ дымнымъ саклямъ, и радость была въ душѣ ихъ, улыбка цвѣла на ихъ лицахъ, потомъ, когда увидѣли они своихъ грязныхъ женщинъ, тоска засосала ихъ сердца. И вышли они изъ саклей, смотрѣли на гору и тяжело вздыхали.

А ночью, когда женщины пришли къ нимъ со своими ласками, они, злобно ругаясь, прогнали ихъ отъ себя.

Утромъ, еще солнце не встало, еще звѣзды ярко блестѣли, а эти нѣкоторые люди полѣзли въ темнотѣ по тропинкѣ на гору...

А когда спускались къ своимъ саклямъ, радостны были, потомъ смотрѣли на гору, печально вздыхая.

И другіе люди сказали:

— Что же тамъ на горѣ есть? Пойдемъ и мы посмотримъ...

И когда, взобравшись на гору, увидѣли чудную женщину, весна зацвѣла въ душѣ ихъ.

И отвергали ласки своихъ женщинъ...

Тогда собрались всѣ женщины и говорили межъ собой:

— Что сдѣлалось съ нашими мужьями, отцами, сыновьями, братьями? Почему мужья отвергаютъ наши ласки послѣ того, какъ побываютъ на горѣ?

И нѣкоторыя женщины одѣлись въ мужскую одежду, рано утромъ среди мужчинъ пробрались на гору, увидѣли чудную женщину и поспѣшили спуститься къ своимъ саклямъ.

Когда вороны увидятъ въ степи мертвое тѣло, громко-громко кричатъ, кружась надъ нимъ огромной стаей...

И женщины также кричали, собравшись на лугу, вдали отъ саклей, и были распущены волосы ихъ, и лица ихъ злоба исказила.

Кричали-кричали и потомъ медленно разошлись по своимъ саклямъ.

А какъ только наступилъ вечеръ, нѣкоторыя изъ женщинъ одѣлись въ мужскую одежду, взяли съ собой толстыхъ и тонкихъ веревокъ, взяли острые ножи и осторожно взобрались на гору, пришли на поляну и ползая по травѣ по цвѣтамъ, забрасывали веревки, дѣлая изъ нихъ хитрыя петли.

И потомъ отошли въ сторону, прилегли на землю, такъ прижались къ ней, какъ при-

жимается лиса, подкарауливая куропатку.

И лежали онѣ, стараясь не дышать, и ждали—ждали терпѣливо.

Засвѣтились въ небѣ звѣзды, вспыхнули, загорѣлись многими—многими огнями. И увидѣли притаившіяся подобно лисамъ женщины: какъ тѣнь скользя, неслышно шла по полянкѣ чудная женщина, шла и смотрѣла на звѣзды.

И вдругъ испуганно вскрикнула, упала, забилась, опутанная веревками.

И тогда женщины вскочили на ноги, съ крикомъ дикой радости бросились на чудную женщину, били ее кулаками, кусали зубами, рвали ея волосы и кричали и хохотали, хохотали какъ совы въ темную осеннюю ночь.

И потомъ вытащили свои острые ножи и, ругаясь начали рѣзать нѣжное тѣло чудной женщины.

Разрѣзали ея грудь и вынули изъ нея трепещущее сердце.

— Вотъ оно проклятое! кричали онѣ, потрясая сердцемъ.

Ножамъ выкололи глаза чудной женщины, на куски порѣзали ея тѣло, разбросали ихъ по полянѣ и спустились къ своимъ саклямъ, унося съ собой сердце чудной женщины.

И оставшіяся внизу женщины радостными

криками встрѣтили ихъ.

Костры на берегу рѣки запылали, и женщины взявшись за руки, плясали вокругъ нихъ и кричали, какъ вороны, какъ волки завывали и хохотали-хохотали.

И сожгли сердце чудной женщины и пепель отъ него по вѣтру развѣяли, въ рѣку бросили.

И, злобно смѣясь, сказали своимъ мужьямъ, отцамъ, сыновьямъ, братьямъ:

— Идите на гору, посмотрите и порадуитесь.

И большой человекъ быстро пошелъ по тропинкѣ на гору, слѣдомъ за нимъ пошли остальные мужчины.

Была ночь, мракъ окружалъ поляну, и остался большой человекъ, ожидая утра, и остальные люди остались съ нимъ.

Настало утро, и увидѣли всѣ находившіеся на полянѣ: валялись разбросанные куски женскаго тѣла и кровью была омочена трава и цвѣты.

И большой человекъ закричалъ, какъ раненый медвѣдь, упалъ и бился головой о землю и все кричалъ-кричалъ.

Потомъ горько заплакалъ.

И собралъ онъ куски тѣла, сложилъ ихъ одинъ къ другому и увидѣлъ передъ собой

трупъ чудной женщины весь покрытый ранами.

И не нашель онъ сердца женщины, не нашель глазъ ея—вмѣсто глазъ чернѣли, какъ ночь, круглыя дыры.

Склонился надъ трупомъ большой человѣкъ, плакалъ и цѣловалъ его.

Остальные люди смотрѣли—смотрѣли и сказали:

— Что осталось отъ чудной женщины: холодный трупъ, покрытый кровью! И развѣ можно любить трупъ?

И засмѣялись они, глядя, какъ большой человѣкъ, плача, цѣловалъ мертвое тѣло, засмѣялись и пошли, спустились къ своимъ саклямъ.

Только юноша остался на полянкѣ и смотрѣлъ на большого человѣка, который цѣловалъ мертвое тѣло...

И увидѣлъ большой человѣкъ: когда онъ цѣловалъ раны на тѣлѣ, смачивая ихъ слезами, затягивались онѣ, и слѣдовъ ножей не было видно на тѣлѣ.

И обрадовался онъ, когда всѣ раны затянулись.

А глазъ не было и вмѣсто нихъ чернѣли круглыя дыры.

И большой человѣкъ взялъ синихъ незабудокъ и поцѣловавъ ихъ, положилъ въ круглыя

дыры и увидѣлъ — синіе глаза покрыли черныя дыры.

Но жизни не было въ этихъ глазахъ, они были тусклы, и не отражались въ нихъ небо и солнце, потому что сердца не было въ мертвомъ тѣлѣ.

И воскликнулъ большой человѣкъ:

— Возьми мое сердце, возьми мою жизнь — я съ великой радостью отдамъ тебѣ ихъ! И налетѣло съ вершины Ошхо-Махо бѣлое облако, густымъ туманомъ окутало полянку, а когда оно разсѣялось, юноша увидѣлъ, что на полянкѣ стоитъ чудная женщина въ своихъ свѣтлыхъ одеждахъ.

Красотой сіяло ея лицо и полны печали, полны скорби были ея прекрасные синіе глаза.

А большого человѣка не было около женщины, не было живого: онъ въ камень превратился и лежалъ среди цвѣтовъ, положивъ руки на грудь, гдѣ жило его сердце.

И чудная женщина скорбно смотрѣла на окаменѣлый трупъ.

И подняла она глаза и печалью наполнилась душа юноши.

И пошелъ онъ къ женщинѣ, чтобы упасть передъ ней, поцѣловать край ея одежды.

Но женщина отдѣлилась отъ земли и какъ сверкающее на солнцѣ облако, понеслась, под-

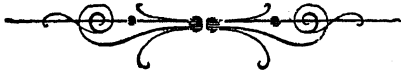
нимаясь все выше-выше и скрылась тамъ, гдѣ бѣлѣетъ вѣчными снѣгами Ошхо-Махо.

И отчаяніе охватило душу юноши, пошелъ онъ, бросился со скалы и разбился внизу объ рѣчные камни.

А тѣ люди, что остались въ своихъ дымныхъ сакляхъ, скоро позабыли чудную женщину, и, какъ сонъ вспоминали то время, когда они взбирались на гору, и вспоминая, безумцами себя называли.

И живя съ своими женами, не замѣчали они, что грязны у ихъ женъ лица, крикливы голоса и грубы ихъ ласки...

Но придетъ время, и люди покинутъ сами дымная сакли, ползутъ на гору, чтобы увидѣть чудную женщину, чтобы прикоснуться губами края ея одежды.

Кто дороже.

Въ одномъ аулѣ жилъ уздень*) Темирханъ, человѣкъ надменный, кичившійся своимъ происхожденіемъ, которое онъ считалъ очень знатнымъ.

Случилось однажды ему одному проѣзжать верхомъ на лошади по мосту черезъ рѣку.

Едва только его лошадь ступила на мостъ, какъ на противоположномъ концѣ моста показался какой то кабардинецъ.

— Остановись и стой, пока я не проѣду мимо! Крикнулъ ему Темирханъ.

Неизвѣстный, продолжая ѣхать, въ свою очередь крикнулъ:

— Почему ты требуешь такого почета къ себѣ—вѣдь ты не князь, а такой же уздень какъ и я?

— Врешь, собака! крикнулъ Темирханъ.

*) Уздень—дворянинъ.

Я выше тебя стою по происхожденію: я изъ рода узденей, а ты изъ рода холоповъ.

Выватилъ неизвѣстный изъ-за пояса пистолеть и выстрѣлилъ въ Темирхана. Тяжело раненый, Темирханъ свалился съ лошади.

Подошелъ къ нему старикъ кабардинецъ, который слѣдилъ за исправностью моста.

— Видишь эту собаку? обратился къ нему неизвѣстный, указывая на умирающаго Темирхана.—Я пристрѣлилъ ее, чтобы она не лаяла зря. Скажи всѣмъ тамъ, въ аулѣ, что пристрѣлилъ ее уздень Каширга.

Хлестнулъ плетью своего коня и поѣхалъ. Старикъ поднялъ Темирхана, усадилъ на лошадь и доставилъ въ его саклю.

Темирханъ успѣлъ сказать своей молодой женѣ только одно слово:

— Отомсти....

И умеръ.

Жена осталась беременной вдовой и спустя полгода послѣ смерти мужа родила мальчика и дала ему имя Исхакъ.

Воспитывая сына, мать не говорила ему, какую смертью умеръ его отецъ, не желая преждевременно смущать дѣтское сердце.

Исхакъ росъ здоровымъ и веселымъ мальчикомъ.

Когда же ему сравнялось 16 лѣтъ, онъ

однажды засталъ свою мать въ слезахъ.

— Что съ тобой? спросилъ онъ ее.—О чемъ ты плачешь?

— Я о томъ плачу, что кровь твоего отца не отомщена,—отвѣчала мать и рассказала, кто и какъ убилъ его отца.

— Теперь настало время отомстить и ты долженъ это сдѣлать...

— Я и сдѣлаю,—отвѣчалъ Исхакъ.

— Не легко это сдѣлать,—сказала мать.

— Почему? спросилъ Исхакъ.—Ты не надеешься на мои силы?

— Нѣтъ, не то. Слушай. Въ нынѣшнюю ночь убійца твоего отца долженъ проѣхать черезъ рѣку по мосту, и если ты теперь не убьешь его, то не убьешь никогда, такъ какъ онъ навсегда покидаетъ Кабарду, уѣзжая въ Стамбуль. И если не убьешь, то какъ будешь жить среди народа: вѣдь каждый назоветъ тебя трусомъ...

— Да, это вѣрно,—отвѣтилъ Исхакъ. Но я отомщу,—я сейчасъ пойду караулить его, убійцу.

— Постой,—остановила его мать,—я еще не все сказала.—Въ нынѣшнюю же ночь къ намъ въ домъ долженъ пріѣхать изъ Чечни другъ твоего отца. Ты долженъ встрѣтить и принять его. А если не встрѣтишь, онъ пой-

детъ искать пріюта въ другомъ домѣ, и тогда позоръ падеть на твою голову.

— Это—правда,—сказаль Исхакъ и глубоко задумался.

А мать продолжала:

— Слушай еще. Когда ты родился, твой отецъ далъ клятвенное обѣщаніе нашему сосѣду женить своего сына на его дочери. А сегодня ночью сосѣдъ выдаетъ свою дочь за другого человѣка, и если ты ее этой ночью не увезешь, то не исполнишь клятвы своего отца и этимъ оскорбишь память его. Теперь я все сказала, и ты поступай, какъ знаешь...

Вышелъ изъ сакли Исхакъ, глубоко задумавшись.

— Какъ быть? думаль онъ.—Надо отомстить за смерть отца, надо друга его принять, надо клятву отцовскую исполнить!

Думаль-думаль...

Убійцѣ отца, пока онъ живъ будетъ, я всегда сумѣю отомстить,—сказаль онъ самъ себѣ.—Невѣсту я украду, если даже она сдѣлается женой другого человѣка. Но если я не приму въ своемъ домѣ друга покойнаго отца, то что можетъ быть позорнѣе этого?

И рѣшилъ Исхакъ прежде встрѣтить гостя, а тамъ видно будетъ, какъ надо будетъ поступить.

Настулилъ вечеръ.

Исхакъ прибралъ кунацкую: самъ постель постелилъ, передъ постелью поставилъ кумганъ съ чистой водой, зажегъ дрова въ очагъ. Ждетъ гостя.

Вдругъ слышитъ, у воротъ кто то крикнулъ:

— Гость!

Выбѣжалъ Исхакъ изъ кунацкой, отворилъ ворота, впустилъ во дворъ гостя. Потомъ принялъ отъ него лошадь, провелъ гостя въ кунацкую, гдѣ усадилъ его противъ очага, подалъ воды обмыть ему ноги.

Зажарилъ шашлыкъ, принесъ чинакъ бузы и угостилъ гостя.

Началъ дремать уставшій гость. Исхакъ предложилъ ему лечь въ постель и соснуть.

Помогъ ему раздѣться и, когда тотъ легъ въ постель, тихонько вышелъ изъ кунацкой.

Вошелъ въ саклю къ матери.

Мать сидѣла задумавшись у очага и на сына не посмотрила.

Исхакъ снялъ со стѣны отцовскій кинжалъ, пистолеть и винтовку и молча вышелъ на дворъ, осѣдлалъ лошадь и поскакалъ къ мосту.

Скачетъ и думаетъ:

— Какъ я узнаю убійцу отца: вѣдь ни-

когда я его не видѣлъ и только знаю, что звать его Каширга?. Придется спрашивать каждого проѣзжающаго по мосту. Но хорошо, если мнѣ будутъ отвѣчать, а если не отвѣтятъ?

Подѣхалъ къ мосту, остановился.

Слышитъ—стучать по мосту копыта лошади...

Исхакъ подумалъ:

— Не убійца ли отца ѣдетъ?

И сейчасъ же громко запѣлъ:

— Ѣдетъ уздень Каширга и трусливо озирается по сторонамъ: боится онъ, что убитый имъ уздень Темирханъ встанетъ изъ могилы и отомститъ за свою кровь...

Ѣхавшій по мосту всадникъ остановилъ лошадь, прислушался и потомъ громко захохоталъ.

— Какой тамъ, въ темнотѣ, щенокъ лаетъ? крикнулъ онъ, продолжая смѣяться.— Я, уздень Каширга, никогда не озирался трусливо, потому что никогда никого не боялся и теперь не боюсь... Кто тамъ?

Исхакъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Я—сынъ убитаго тобой узденя Темирхана, поджидаю тебя, Каширга, чтобы отомстить за смерть отца.

— Въ темнотѣ я не вижу тебя, но по-

голосу слышу, что ты еще щенокъ,—сказаль Каширга и выстрѣлилъ изъ пистолета.

Пуля со свистомъ пролетѣла мимо уха Исхака.

— Что же ты стрѣляешь издали? Или ты боишься подѣхать ко мнѣ? спросилъ Исхакъ.

— Ха-ха-ха! захохоталь Каширга, подскакаль къ Исхаку и предательски ударилъ его кинжаломъ—снизу вверхъ, какъ бьютъ наемные убійцы, трусливые убійцы изъ-за угла.

Исхакъ сильно взмахнулъ своимъ кинжаломъ и сразу отрубилъ голову Каширгѣ.

Обливаясь кровью, слезъ онъ съ коня, нашель голову Каширги, взялъ ее въ руки и крикнуль:

— Отецъ, ты отомщенъ!

Порваль на себѣ бешметъ, перевязаль тряпками рану. Потомъ положилъ въ башлыкъ голову Каширги, а башлыкъ закинулъ себѣ на спину и концы его завязаль у себя на груди, сѣлъ на коня и поскакаль въ ауль.

Подѣхаль онъ къ дому сосѣда.

Увидѣль одну дѣвушку, сказаль ей:

— Тихонько вызови ко мнѣ дочь хозяина —мнѣ ей надо сказать два—три слова.

Дѣвушка исполнила его просьбу.

И едва только хозяйская дочь приблизилась къ Исхаку, онъ быстро схватилъ ее, посадилъ къ себѣ въ сѣдло и прискакалъ въ свой дворъ.

Слѣзъ съ лошади, взялъ за руку дѣвушку, вошелъ съ ней въ саклю.

Мать сумрачная и молчаливая сидѣла у очага.

— Мать,—сказалъ Исхакъ,—прими эту дѣвушку: она невѣста моя!

Мать, не зная, что Исхакъ принялъ гостя и отомстилъ за смерть отца, со злостью крикнула:

— Чтобы тебѣ и сутокъ не прожить съ твоею невѣстой!

— Не проклинай, мать,—сказалъ Исхакъ, снявъ съ себя башлыкъ, вынулъ изъ него голову Каширги, покатылъ по полу къ ногамъ матери.

— Это голова убійцы отца,—сказалъ Исхакъ.

Мать сильно обрадовалась и хотѣла было взять мертвую голову, но сейчасъ одернула отъ нея руки.

— А гостя ты встрѣтилъ? спросила она Исхака.

-- Встрѣтилъ мать. Гостя я накормилъ,

напоиль, и онъ теперь спить,—отвѣчалъ Исхакъ, зашатался и упалъ.

Кровь хлынула у него изъ раны.

— Мать, я умираю—меня убійца отца ранилъ предательскимъ ударомъ кинжала. Я умираю, но радъ, что исполнилъ все, что долженъ былъ исполнить...

Заплакала мать.

— Я отъ радости и отъ горя плачу,—сказала она.—Радость моя въ томъ, что ты сынъ мой, не покрылъ позоромъ память отца своего, а горе въ томъ, что на вѣки уходишь отъ меня... Но нѣтъ, я прійду къ тебѣ, прійду.

— Мать,—проговорилъ слабымъ голосомъ Исхакъ,—я умираю...

И умеръ Исхакъ.

Мать сказала дѣвушкѣ:

— Ты видишь—женихъ твой умеръ, и ты теперь свободна.

Дѣвушка молча вышла изъ сакли.

Похоронили Исхака.

Гость прожилъ еще три дня въ домѣ его матери и уѣхалъ.

Тогда мать Исхака сказала сама себѣ:

— Гость уѣхалъ, теперь я свободна: могу распоряжаться собой, какъ хочу.

Сняла со стѣны кинжалъ, которымъ Ис-

какъ голову Каширгѣ отрубилъ, наставила
остріе его къ груди своей и легла на него.
Конецъ кинжала вышелъ у нея въ спинѣ.
И умерла она.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Араби-Ханъ	3	стр.
Шужей и Атажукъ	12	"
Кара-Кундетъ	24	"
✓ Яманъ-Чарыкъ	33	"
Местъ	46	"
Машуко	58	"
Сверженіе ига	71	"
Девлетъ и Ниса	79	"
✓ Жабоги Казанокъ и его жена	87	"
Илячинъ	100	"
Хадыжа	111	"
Мусса	129	"
Чудная женщина	139	"
Кто дороже	151	"

